

Маша Трауб Плюс один стул

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8487029
Плюс один стул / Маша Трауб: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76301-6*

Аннотация

Эта история появилась благодаря случайному знакомству с тамадой. Он предлагает свои услуги, не отказываясь ни от чего – ни от детских дней рождения, ни от поминок, ни от юбилеев... И конечно, ведет свадьбы. В ресторане, где он работает, три зала. В одном гуляет свадьба, напротив льют слезы на поминках, а на цокольном этаже чествуют юбиляра. Общая на всех курилка во дворе, где смешиваются радость и горе, жизнь и смерть. И где рассказывают истории...

Маша Трауб

Плюс один стул

© Трауб М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

– Дорогие друзья! В этот солнечный день сами небеса благословляют наших молодых! Пусть солнце освещает вашу семью, как освещает сейчас нас. Так пусть молодые пройдут через ворота счастья!

Не в микрофон:

– Гости, встали в ворота счастья, как репетировали! Девушка, вернитесь на свое место, потом покурите! Ворота! Гости, вы помните, как выглядят ворота?

– Дорогие ребята! Сегодня вы стали мужем и женой. Прошу вас подойти к родителям и получить их благословение! И помните – сегодня вы в последний раз едите родительский хлеб. Откусите от каравай, а мы по смотрим, кто в семье будет главным! Посолите этот хлеб, и пусть это будет в последний раз, когда вы насолит друг другу! Отпейте из общего бокала. Теперь у вас все общее! Ура!

Не в микрофон:

– Гости, хлопаем, поддерживаем молодых. Мама подносит каравай. Как нет каравай? Батон? Нет, не подойдет. Что есть? Хала? При чем здесь хала? Папа, откройте, наконец, шампанское. Да, вы. Не официант. Так положено. Нет, мама невесты, еще рано сыпать рис. Риса нет? Конфеты? Хорошо, пусть будут конфеты. Лепестки цветов забыли в зале? Так идите скорее. И лепестки надо раздать гостям. Они должны посыпать. Что? Что? Слова забыли? Не волнуйтесь, я буду подсказывать. Повторяйте: «Сыплю на вас рожь, чтоб ваш род был хорош. Посыпаю пшеницей яркой, чтоб вы дружною были парой». Запомнили? Нет? Всего четыре строчки! Кто ржет? Никто не ржет. Я не слышу. Ржи нет? И пшеницы? Лепестки раздали? Да, можно вместо ржи кидать деньги. Нет, монеты не надо. Некоторые так кидаются... Что? Примета плохая? Почему? Да далась вам эта рожь! Где вы рожь сейчас купите? Нет, мама жениха должна каравай подавать. Вы не можете. Пусть она бросает лепестки и слова говорит? Хорошо. Давайте. Поднос? Зачем поднос? Из пакета некрасиво бросать? Ну, давайте попросим у официанта поднос. Вообще-то нужен рушник, если по правилам. Что? У вас есть рушник? Странно. Случайно оказался? Отлично. Я скажу про рушник. Он мятый? Нет, думаю, утюга здесь нет. Папа, вы открыли шампанское? Вы не папа? А кто? Гость? С чьей стороны? На юбилей? Это в соседнем зале. Можете помочь открыть шампанское? Хорошо, открывайте и наливайте в бокалы.

– Дорогие гости! Дорогие родители! Наша красавица невеста сегодня стала мужней женой! Хранительницей домашнего очага! А жених теперь должен быть в ответе за достаток в вашем доме. Возьмитесь крепко за руки и прошу всех в наш торжественный зал! Гости проходят первыми и встречают молодых под горячие аплодисменты! Дорогие друзья! Проходим! Наш банкет начинается!

Не в микрофон:

– Гости, проходим. У вас будет время покурить. Да, курить можно только на улице. Не я придумал этот закон. Ко мне какие претензии? Да, девушка, туалет дальше по коридору, первая дверь направо. Дальше. Направо, а не налево! Что, мама невесты? Деньги собрать? Конечно. А зачем вы бросали крупные купюры? Что? Я запретил бросать мелочь? Нет, я не видел, кто взял пять тысяч. Вы бросили? Так надо было смотреть, куда летит.

Что делать с оставшимися лепестками? Можно на полу в зале раскидать. Что? Гости задерживаются? Ничего. Начнем без них. У вас до которого часа забронировано? До десяти?

Думаю, придется продлевать. Не волнуйтесь, все успеем. Нет, за горячее я не отвечаю. Это к менеджеру. Да, туалет прямо и направо. Курить только на улице. Не волнуйтесь, я буду объявлять танцевальный перекур. Да, девушка, вы успеете и потанцевать, и покурить. Что – девочка? Потерялась? Гости! Чей ребенок? Как тебя зовут? Как? Саша? Даша? Маша? Не плачь, сейчас найдем твоих родителей. Гости, чей ребенок? Ладно, пойдем со мной, там разберемся. Писать хочешь? Женищина, отведите девочку в туалет! Нет, это не моя дочь! Да я не знаю, чей это ребенок! Все! Мне работать надо!

* * *

– Я хочу, чтобы у нас было венчание, – сказала Ксюша.

– Хорошо, – ответил Петя, снимая носки, джинсы и подбираясь к Ксюше справа. Она так решила – он спит слева, она справа. Ему было не очень удобно, поскольку баба Роза еще в детстве напугала его, что спать на левом боку вредно и можно умереть от разрыва сердца. И теперь, чтобы подобраться к Ксюше, которая считала, что засыпать надо непременно обнявшись, он должен был лежать на левом боку. Спал он плохо, поскольку видел во сне бабу Розу, которая грозилась ему пальцем и требовала, чтобы он высунул руки из-под одеяла и держал их ровно вдоль тела на пододеяльнике. Но Ксюша прижималась к нему со своего «справа», и он покорно обнимал ее со своего «слева», мучаясь ночными кошмарами.

– Ты меня любишь?

– Угу.

– Я хочу, чтобы все было красиво, понимаешь?

– ...

– Ты спишь, что ли?

Они с Ксюшей собирались пожениться. Вроде как считалось, что Петя сделал предложение, а Ксюша согласилась. Когда именно произошло это судьбоносное событие, Петя не помнил. Но в принципе был не против. Какая разница? И так живут вместе. Ксюша хотела свадьбу. И ее мама, Елена Ивановна, хотела свадьбу. И тетя Люба, родная сестра Елены Ивановны, тоже хотела свадьбу. И они решили, что Петя сделал предложение и Ксюша, конечно, сказала «да».

Петя точно помнил, что жить вместе предложила Ксюша, и он ответил «да». Помнил, как Ксюша с торжественным видом открыла входную дверь и его встретили две взволнованные женщины – Елена Ивановна и тетя Люба, – стоявшие по стойке «смирно» в коридоре. Елена Ивановна неловко повернулась и уронила тарелку, после чего заохала и побежала за веником. Тетя Люба молчала.

– И что это значит? – спросила наконец она. – Что это за трансфээр такой?

Петя улыбнулся. Тетя Люба очень смешно тянула гласные – получалось «трааансфэээр».

– Теть Люб, не начинай, ладно? – решительно заявила Ксюша и потащила Петю в «свою» комнату.

– Ксюха, это бесовщина! – крикнула вслед тетя Люба.

– Не обращай на нее внимания, – прошептала Ксюша Пете. – Она скоро уедет. Наверное. Она не все время здесь живет.

– Ленка, и ты потерпишь бесовщину в доме? – прокричала тетя Люба на всю квартиру.

Елена Ивановна зашелестела, успокаивая Любу и предлагая «оставить девочку в покое».

– Да на этой девочке пробу ставить негде! – Тетя Люба, видимо, стояла под дверью комнаты, не оставляя ни одного шанса на то, что ее не услышат. – Ни стыда, ни совести! На голубом глазу мужика в дом привела! А ты, Ленка, потекаешь! И этот тоже хорош. Ему что ж, жить негде? Я спрашиваю – что, жить-то негде? И где ж Ксюша такое счастье подобрала беспризорное?

– Теть Люб, прекратите! – Ксюша подскочила, распахнула дверь, да так, что тетя Люба, опиравшаяся плечом, чуть не влетела внутрь «рыбкой», как в кино.

– А ты мне не указывай, прекращать мне или начинать! Ты кто? Ответственный квартиросъемщик? Нет! Мать твоя съемщица! А блуда я не потерплю!

– Петя – мой жених, между прочим! – проорала Ксюша и снова хлопнула дверь.

В коридоре стало сразу тихо. Только раздался звон посуды – Елена Ивановна, видимо, снова выронила тарелку.

– Кто я? – захохотал Петя.

– Не волнуйся, это я для тетки. Она у нас того, с придурью. В церковь ходит. Совсем с ума сошла, – улыбнулась Ксюша и села к Пете на колени.

– Слушай, может, я поеду? Как-то неудобно, – засомневался он.

– Как хочешь. Уезжай, я тебя не держу, – обиделась Ксюша. – Но ты ведь сам говорил, что хочешь со мной жить.

– Ну да. – Петя пытался вспомнить, когда он такое сказал.

– Вот и живи, – заявила Ксюша. – Все нормально будет.

В тот вечер, когда Петя в первый раз остался у Ксюши на правах жениха, ему приснилась баба Роза.

Откровенно говоря, он вообще не спал в ту ночь. За стеной тихонько вздыхала Елена Ивановна, а тетя Люба достаточно громко читала молитву. Или ему казалось, что прямо за стеной. В какой-то момент ему почудилось, что одна из женщин плачет, и Петя разбудил спокойно спящую Ксюшу.

– Кто-то плачет, – сказал он.

– Это кошка соседская, не обращай внимания, – ответила Ксюша.

К плачущей по ночам кошке Петя привык быстро, как и к женщинам за стенкой. Он вообще ко всему быстро привыкал.

Уже следующим утром он почувствовал, что отношение к нему изменилось – Елена Ивановна налила ему чай, а тетя Люба поставила тарелку с сырниками.

– Ну что, жених, ешь давай, – сказала она требовательно.

Петя проворно заглотнул сырники и выпил чай – слабый и сладкий. Он бы предпочел кофе, но постеснялся попросить.

– Мам, погладь, пожалуйста, Пете рубашку. – Ксюша вышла из ванной. – А то в сумке помялась.

– Да я и сам могу. – Пете стало неудобно.

– Сидите-сидите, – подскочила Елена Ивановна и кинулась гладить рубашку.

Наверное, тогда и решилось, что Петя – жених, а Ксюша – невеста. И свадьба – скоро.

* * *

– Дорогие друзья, вот все расселись, пора начинать наш торжественный вечер. Хочу огласить правила поведения. Первые три рюмки выпить обязательно, остальные пойдут сами! После восьмой рюмки дамам разрешено отлучиться попудрить носик. Господам разрешается снять галстук и растянуть верхнюю пуговицу. Чего? Конечно, рубашки! Если не можете танцевать стоя, танцуйте сидя, но не наступайте соседу на руки! Если на себя не надеетесь, положите в карман записку с домашним адресом! Женатые мужчины должны

танцевать с чужими женами, а своих оставить лучшим друзьям! На нашем празднике есть одно главное слово. Кто знает какое? Правильно – «горько»! Молодцы!

Первый тост за счастье молодых! Дорогие друзья, сегодня виновники торжества, наши молодые супруги, лишили себя свободы. Посмотрите на них. Они сковали себя брачными узами, оковами, цепями. И они счастливы! Давайте пожелаем им, чтобы эти узы были крепкими и оковы никогда не разомкнулись. Так выпьем же за добровольное пребывание в этих оковах наших счастливых узников. Позвените бокалами, если со мной согласны! И что нужно сказать? Нет, прокричать! Правильно! Горько! Горько! Считаем! Раз... два... три... четыре...

Не в микрофон:

– Что? Меня зовут Леонид. Нет, я не тамада. Я – ведущий. Нет, не только свадеб. Да, у меня большой опыт. Что? Слово обязательно дам. Все прописано в сценарии. Никого не забудем. Мама невесты, что вы вскочили? Нет, сейчас еще не ваше слово. Что? Спрашивают, можно ли зачитывать поздравления по открытке? Можно. Шарик привезли? Какие шарики? Для конкурса? Так у нас не было конкурса с шариками. Решили сделать? Хорошо. Шарик не надутый? А кто будет надувать? Нет, здесь нет баллона. Это же ресторан. Откуда у них баллон? Насос? Автомобильный? Ну спросите у гостей. Да, надо надуть заранее. Что вы хотите делать? Конкурс сердец? Кто красивее сделает из шариков сердце? Может, пусть что хотят, то и делают? Да, вы успеете надуть. Конкурсы позже. Пусть люди выпьют. Идите и успокойтесь. Все будет хорошо. Нет, пять тысяч я не находил. Если найду, отдам непременно. Нет, ваши шарики никто не заберет. Девушка, что вы спрашивали? Будет ли Стинг? Почему именно Стинг? Жених любит? А вы откуда знаете? Оттуда? Не обижайтесь. Нет, не надо плакать. Вы еще не так много выпили. Скандалы у нас по сценарию позже. Вместе с дракой. Да, согласен, вы тоже будете счастливы. И, конечно, я поставлю вас с первый ряд, когда невеста будет бросать букет. Не сомневайтесь, сделаю все возможное. Что? Букет так себе? Вы бы такой не выбрали? Ну, естественно. И платье другое хотите? Не сомневаюсь. Что? Стинг был вашей мелодией? Хорошо, раз вы настаиваете. Будет вам Стинг. Но поверьте моему опыту, сколько Стинга ни заказывай, все равно все закончится Веркой Сердючкой.

** * **

– Ты готов? – спросила Ксюша, нахмутив свой хорошенький гладкий лобик.

– Готов! – Петя перевернулся на левый бок, чтобы немедленно доказать Ксюше свою готовность. Соседская кошка, которая не орала, а стонала, как человек, плакала, как ребенок, и скулила, как собака, его уже не смущала. Хотя, когда он оставался в квартире один, что случалось не очень часто, то выбирался на балкон и пытался разглядеть эту удивительную кошку, владеющую таким диапазоном эмоций. Она замолкала только на время еды – минут на десять – и снова принималась стонать, разговаривать, возмущаться, ругаться. Петя все никак не мог понять, откуда доносится звук и где кошка сидит. Он свешивался с балкона и звал «кис, кис». Подкладывал на подоконник кусок колбасы, выставлял блюдце с молоком. Но кошка не показывалась.

– А как кошку-то зовут? – спросил Петя у Ксюши.

– Откуда я знаю? – удивилась она вопросу.

– Из какой она квартиры? Сверху или снизу?

– Не знаю! Тебе что, больше думать не о чем? – возмутилась Ксюша.

Пете эта кошка не давала покоя. Как и баба Роза, которая теперь стала сниться ему почти каждую ночь. Да так явно, что Петя просыпался, лежал с открытыми глазами и слушал, как за стеной причитает, выводит страдальческие рулады кошка. Иногда ему казалось,

что и кошки никакой нет. Бабы Розы-то нет – давно умерла. Она тоже, когда заболела, все время слышала плач ребенка.

– Петечка, – спрашивала она его, – у соседей что, кто-то родился?

– Нет, – отвечал Петя.

– Коляски в коридоре нет? Не видел?

– Не видел.

– А сверху у соседей? Или снизу? Ребенок так плачет. Надо успокоить. Может, одного оставили? Ты сходи, посмотри.

Петя тогда послушно поднялся этажом выше, спустился на два этажа вниз – нигде коляски не увидел, о чем и сообщил бабе Розе.

– Значит, коляску дома держат, чтобы колеса не пачкать. Или плохо спит ребенок, вот они его в коляске и укачивают. Может, на балкон выставляют погулять? Что ж он так плачет и плачет все время? Прямо как ты – маленький. Тоже плакал. То колики тебя мучили, то потничка, то диатез чесался. Жалко тебя было. А соску плевал. Не хотел брать. Слышишь? Опять заплакал. Где ж его мать? Неужели успокоить не может?

Петя прислушивался изо всех сил, но плач ребенка не слышал, как ни старался.

– Ты спроси у консьержки, она точно знает, у кого тут дети маленькие. Спроси. Надо бы помочь. Может, им врач нужен хороший?

Петя, стеснясь, краснея, но не смея ослушаться бабушку, передал вопрос консьержке.

– Бедный мальчик, – лифтерша стала утирать глаза платком, – иди, я тебя конфеткой угощу, – нету у нас детей. Откуда взялся-то? Ты вот уже подросток. А маленьких нет и не было. Дай бог, будут. А то не подъезд, а хоспис какой-то, прости господи.

– Бабуль, консьержка сказала, что детей у нас нет, а подъезд – хоспис. А что такое хоспис? – спросил Петя у бабы Розы.

– Это больница такая. Хорошая. Там наша соседка была, да и я, может, лягу. Если баба Дуся отпустит.

– Давай я попрошу, и она тебя обязательно отпустит, – предложил Петя.

– Давай. Вот, опять заплакал. Но я же слышу! Ребенок совсем маленький. Грудной еще, наверное. Как котенок мяукает. Может, зубки режутся. Так надо сказать, чтобы десны проверили и мизинчиком потерли – если успокоится, то точно зубки.

Про плачущего ребенка баба Роза рассказала бабе Дусе, второй Петиной бабушке, и та ее успокоила. Баба Роза сказала внуку, что ребенок больше почти не плачет. Только иногда, но быстро успокаивается. Значит, баба Дуся передала соседке совет про мизинчик.

* * *

– Подожди. – Ксюша отодвинулась на край кровати, когда Петя попытался к ней приблизиться. И даже пихнула его ногой. – Давай поговорим!

– Может, потом? – с надеждой спросил Петя. Он и так страдал. Ксюша после его переезда устроила перестановку. Вместо ее детской кушетки в комнате появились две односпальные, сдвинутые в одну, кровати. Теперь Петя был вынужден спать не только на левом боку, но и на деревяшке, в дырке между этими кроватями.

– Нет, сейчас. – Ксюша уселась, давая понять, что ему не отвертеться. – Ты понимаешь, что венчание – это не просто сходить поставить печать, а на всю жизнь? Ты понимаешь, что это очень серьезно?

– А разве развенчаться нельзя? – хохотнул Петя и начал пересказывать последнее письмо от отца, пришедшее по электронной почте. Отец поехал в командировку и во время прогулки по городу упал, запнувшись о цепь. Причем не какую-то простую цепь, а часть памятника Иоанну Павлу Второму. Этот факт произвел на Петиного отца столь сильное впе-

чатление, что он зашел в католический собор и прослушал мессу и выступление детского хора. Отец писал, что никогда не верил в Бога, но всегда верил в знаки. Возможно, это тоже знак? Кстати, отец в письме даже интересовался, все ли у сына в порядке.

– И что смешного? – не поняла Ксюша.

– Смешно то, что отец – не католик. И запнуться он мог за что угодно. Но почувствовал, что у меня в жизни перемены. Я ведь ему не говорил, что к тебе переехал, – ответил Петя.

– Так ты против венчания? – Ксюша натянула на себя одеяло, как невинная девушка.

Петя не удержался и захохотал.

– Ты вообще не понимаешь, о чем речь? – Ксюша была настолько возмущена, что Пете пришлось признать – сегодня точно ему ничего не светит.

– Понимаю. Ты хочешь, чтобы мы венчались. Батюшка со здоровенным крестом на шее и таким же здоровенным животом, эти короны над головой и все такое...

– Это – не «все такое»! – воскликнула Ксюша. – Это венчание! Таинство! Это – на всю жизнь! Мы будем мужем и женой перед Богом! И скажи спасибо, что тебя тетя Люба не слышит!

– Ну да, я понял. Спасибо. Я же не отказываюсь, просто не думал об этом, – быстро согласился Петя, надеясь, что Ксюша успокоится и даст себя обнять. Он уже отлежал левую руку, и покойная бабуля маячила перед его глазами со скорбным лицом, грозя пальцем.

– Тогда мы должны подготовиться. Причаститься, все узнать, дату выбрать. – Ксюша переключилась на детали, что было хорошим знаком.

– Конечно, – ответил Петя и подполз к Ксюше. Та не отодвинулась.

– Если мы будем венчаться, то мне нужна другая фата и другое платье. Закрытое. Ведь нельзя в открытом платье в церковь, – задумчиво проговорила она, не отрывая от себя Петиних рук.

– Нельзя, как скажешь, – жарко шептал он.

– Подожди! – Ксюша все-таки сбросила с себя его руки.

– Что? – Петя уже не мог ждать.

– А ты крещен? – с ужасом спросила она.

И тут у Пети пропало всякое желание.

– Не знаю, – ответил он.

– Как это – не знаю? – Ксюша снова села в кровати и натянула на себя одеяло, как будто некрещеный жених не мог видеть ее голой, а крещеный – мог.

– Правда, не знаю, – честно признался Петя.

– Так не бывает. Все знают, – строго сказала Ксюша и стала вдруг очень похожа на тетю Любу. Петя даже подумал, что сейчас она произнесет любимое слово тетки – «бесовщина».

– Бывает, – спокойно ответил Петя, надеясь, что Ксюша не пустится в расспросы.

– Надо узнать, – заявила Ксюша.

– Прямо сейчас? – уточнил он, представляя, как в час ночи звонит бабе Дусе – единственному человеку, который мог ответить на этот вопрос, – и спрашивает, крещен он или нет. Да, так баба Дуся точно до свадьбы не доживет.

– Можно завтра, но узнать надо побыстрее. – Ксюша снова нахмурилась, решая очередную предсвадебную головоломку.

– Хорошо, завтра все узнаю, – согласился Петя.

– Тебе что – все равно? – возмутилась Ксюша.

– Если честно, то да, – признался Петя. – Ну, мы же все равно... э... спим вместе, это как называется? Блуд? Грех ведь. Давай не будем спорить на эту тему. Хочешь венчаться – будем венчаться. Не хочешь – не будем. Хочешь закрытое платье – будет закрытое. Мне правда все равно.

– А надо, чтобы дата венчания и регистрации совпадала? – Ксюша прижалась к нему. – А как лучше – сначала венчание, а потом загс или наоборот? Петя! Поговори со мной!

* * *

Петя уснул на левом боку, и даже бабуля с грозющим пальцем ему не мешала. Он любил Ксюшу, но когда она просила его «поговорить с ней» или «сказать что-нибудь хорошее», немедленно отключался. Защитная реакция молодого организма. Снилось ему бабуля, которая кормила его утром омлетом с мацой и говорила, что венчаться – только через ее труп. Бабуля давно умерла, в чем Петя был абсолютно уверен, как и в том, что венчаться он точно не будет. Он вдруг вспомнил, как баба Роза называла соседа выкрестом. Страшнее ругательства Петя и помыслить не мог. Хотя сосед ему нравился – тихий улыбчивый дядька, всегда угощал его карамелькой.

– Бабуль, а кто такой выкрест? – как-то раз спросил Петя.

– Тот, кто писается в кровать! – резко ответила баба Роза.

Петя, который вовсе не страдал энурезом, как считали врачи и бабуля, а прекрасно чувствовал, когда хотел в туалет, но по неизвестной ни ему, ни науке причине не вставал, испугался и прекратил мочиться в постель.

Баба Роза очень радовалась. И конечно, никогда не узнала, что столь внезапная причина избавления от болезни кроется не в чудодейственном броне, а в ее словах.

Впрочем, курс электрофореза с бромом все равно пришлось закончить, хотя Петя страдал – процедуру делала очень злобная медсестра, Светлана. В свободное время, пока маленькие пациенты лежали на клеенках, она решительно рвала серую, самую дешевую туалетную бумагу на маленькие кусочки, которые потом выкладывала на впалые животы детей, и нещадно обзывала их по-всякому. Самым распространенным ругательством было «ссыкун» или «засыха», в зависимости от пола ребенка. И Петя, уже как постоянный пациент, лежа на закрепленной за ним кушетке, смотрел на вновь прибывших – малышей, которые прижимали к груди рулон туалетной бумаги. Таково было правило и требование Светланы – сдать рулон «на процедуру». По Петиним прикидкам, у нее должно было накопиться бумаги на целый магазин, даже больше, и оставалось только гадать, зачем ей столько.

В чудодейственные силы электрофореза баба Роза верила безоговорочно. Как и в диету, согласно которой Пете полагался к ужину малосольный огурчик, но при этом на ночь нельзя было пить ни молока, которое он любил, ни вообще какой-либо другой жидкости. И обязательно требовалось «опустошить» – именно так говорила баба Роза, повторяя за медсестрой Светланой, – мочевой пузырь. От этого слова Пете тоже становилось плохо – он видел рыбий пузырь, когда баба Роза чистила рыбу, и думал, что у него в животе точно такой же. Малосольные огурцы он терпеть не мог, но бабуля заставляла.

– Съешь, как лекарство, – говорила она.

Этот совет относился ко всем блюдам, которые не любил Петя. Он должен был есть суп, котлеты и запеканку, как лекарство.

Страх обмочиться преследовал его долго.

* * *

– Петя! Петя!

Он проснулся от того, что Ксюша сидела рядом с ним на кровати с таким же скорбным взглядом, как у бабули, и трясла его за плечо. Первое, что он сделал – запустил руку под одеяло, проверить, не обмочился ли. Убедившись, что позор он пережил только во сне, Петя

соскочил с кровати и припустил в ванную. Когда он вернулся, Ксюша, сложив руки на коленях, сидела с таким видом, как будто случилось горе.

– Что? – спросил Петя, натягивая джинсы.

– Ты забыл! – воскликнула Ксюша.

– Нет, не забыл! – заявил Петя, лихорадочно соображая, что именно он должен вспомнить.

– Ты забыл. Как ты мог? Сегодня такой день! – Ксюшины глаза наполнились слезами, и она смотрела на своего жениха, как будто он только что проиграл ее в карты. И снова начала прикрываться одеялом.

– Я помню! Сейчас в душ схожу и поедем. Только кофе мне свари, – Петя проскакал в душ, где надеялся восстановить память. А заодно сообразить, зачем он сказал «поедем». Но если Ксюша кивнула на его «поедем», значит, они собирались куда-то ехать. Петя решил, что если не под душем, то за кофе точно все вспомнит.

Ксюша, хоть все еще обиженная, кофе ему сварила. Точнее, воткнула в кофеварку капсулу и подставила чашку.

– Мама тебе сырники оставила, – сказала она, ставя на стол пластмассовый контейнер.

Кофеварка была подарком Елене Ивановне от будущего зятя. Будущая теща, принимая коробку, ахнула, охнула, чуть не уронила подарок, прослезилась, рассмеялась и опять чуть не уронила. Коробку у нее пришлось забрать. Весь вечер Петя объяснял Елене Ивановне, как пользоваться кофеваркой, куда вставлять капсулы, на какую кнопку нажимать. Будущая теща кивала, который раз заботливо протирала кофеварку полотенцем и с того самого вечера перешла на чай. Она боялась испортить дорогую вещь, не туда нажать, не так вставить, а варить кофе по старинке – в турке на плите – считала неприличным. Петя может обидеться.

– Надо было что-нибудь другое подарить. – Петя искренне переживал, что не угодил.

– Да ладно, – отмахивалась Ксюша.

Кофеварка была предоставлена в полное пользование «молодым», а Петя в знак благодарности всегда имел полноценный завтрак, который Елена Ивановна готовила рано, в шесть тридцать, и оставляла «тепленьким». Ксюша завтракала редко, а Петя не отказывался ни от сырников, ни от геркулесовой каши, ни от омлета. Пусть сдувшегося, но под бутерброд – очень даже ничего.

Он заглотнул холодные сырники, жалея о том, что нет сгущенки, и влил в себя кофе.

Ксюша ушла переодеваться и теперь стояла на пороге торжественная, в брючном костюме, очень сосредоточенная.

Петя схватил сумку, ключи от машины и начал обуваться.

– Ты в этом собрался ехать? – Ксюша прислонилась к косяку, изобразив на лице сразу все, что могла.

– А что? – Петя решил молчать, надеясь на подсказку.

– В джинсах и футболке? – Ксюша буравила его взглядом.

– Нельзя? Надо переодеться?

– Конечно! – Ксюша уселась на стул в коридоре, давая понять, что Петя опять сделал что-то невообразимое.

– Костюм? – уточнил Петя.

Ксюша отвернулась к стене.

Петя проскакал в комнату и переоделся в единственный имевшийся в наличии костюм.

– Так нормально? – спросил он у Ксюши.

– Мне кажется, ты меня совсем не любишь, – ответила она.

– Очень люблю. Поехали? – Петя был готов переодеться во что угодно, лишь бы угадать, куда они должны ехать и что сегодня за день такой. Перед глазами опять замаячил ноч-

ной призрак бабы Розы, которая точно так же сидела на кухне, сложив руки на коленях, и молчала – ждала, когда Петя сам догадается, что он сделал не так.

Петя мог надеть футболку шиворот-навыворот или не застегнуть ширинку на шортах. Баба Роза никогда не могла просто сказать: «Переодень футболку» или «Застегни ширинку». Она сидела и скорбно смотрела на внука, и тот застегивался, переодевался, чистил ботинки, расчесывался, надеясь, что хотя бы одним из действий угадает «проблему».

– Костюм нужно будет новый купить, – придирчиво оглядывая Петю, заметила Ксюша.

– Зачем? – удивился он.

– Как зачем? Что значит зачем? Ты в этом собрался в загс идти? – закричала Ксюша.

Петя обрадовался. Точно. Они едут в загс. Сегодня собирались подавать заявление. Он выдохнул и почти радостно сел в машину, включил музыку и настроил навигатор.

– Ты правда готов? – Ксюша посмотрела на него, как подстреленная лань.

– Готов! – Петя радовался тому, что знает, куда нужно ехать.

Через два часа они вышли из загса опустошенные – заявление подали, что оказалось совсем не так торжественно, как предполагалось. Даже рутинно. Ксюша была разочарована. Никто не оценил ее брючного костюма и никто не пожелал ей счастья. Напротив, женщина, принимавшая заявление, строго спросила, как мать: «Вы хорошо подумали?» В ответ Ксюша чуть не заплакала.

– Да, мы готовы! – уже отрепетированно заявил Петя.

На выходе из загса стоял мужчина с двумя голубями в клетке. Он уговаривал женщину заказать голубей для брачующихся. Вот они выйдут и выпустят голубей. Очень красиво. И фотографии получатся отличными. Ксюша подошла к клетке. Петя вынужден был встать рядом.

– А мы будем голубей запускать? – спросила Ксюша.

– Не знаю. Мне кажется, они покрашены краской. Смотри. Точно. Так они серые, а на перьях – белая краска.

– Почему ты всегда видишь только плохое? Не хочешь голубей, никто не заставляет.

– Слушай, я вообще их не люблю. Еще с детства. У них может быть орнитоз, или как там это называется.

Ксюша посмотрела на него с удивлением.

Петя не стал ей рассказывать, откуда он знает про орнитоз и почему вдруг стал опасаться голубей. Тогда бы пришлось рассказать про бабу Розу. А к этому Петя не был готов.

* * *

В парке, где Петя чинно прогуливался с бабой Розой, ему категорически не разрешалось подходить к белкам, голубям, чужим собакам и кошкам. Баба Роза не любила животных ни в каком виде. Дома, естественно, даже рыбки были под запретом. Баба Роза рассказывала Пете, что в еврейских семьях никогда не держали животных в доме. И правильно делали. Потому что даже милая кошка может неожиданно вцепиться в ногу и разодрать до кости. Как было с их соседкой, которой кот, проживший в доме десять лет, неожиданно вцепился в ногу. Да так, что пришлось ехать в больницу. Соседка даже ходить не могла. Кота она пожалела, не выгнала, и что? Через неделю он вцепился уже в другую ногу. Соседка только после этого выкинула его на помойку, но считала себя виноватой. Приходила к бабе Розе за мазью, которую та приносила из аптеки – соседка ходила с трудом, – и все время плакала. Выкинула животное на помойку. А ведь он десять лет в семье прожил.

– Если бы ты умерла раньше, этот кот бы съел твои глаза, язык и живот! – сказала баба Роза безутешной женщине, которая прижимала к сердцу фотографию любимого питомца.

Та расплакалась и выскочила из квартиры.

Петя, слышавший разговор, с тех пор очень боялся кошек и мучился ночными кошмарами, несмотря на ванны с валерьянкой, которые делала ему баба Роза.

В их подъезде жила женщина с собакой по кличке Лена, и баба Роза никогда не ездила с ними в одном лифте, хотя собака была безобидная, старая, плешивая и Пете очень нравилась. Лена болела какой-то собачьей болезнью, и ее хозяйка тратила всю пенсию на таблетки для псины. И что же случилось дальше? Хозяйка умерла первой, от рака, который был обнаружен слишком поздно. Лену, считавшуюся умирающей на протяжении последних пяти лет, забрала дочка хозяйки, и собака в новой семье прожила еще долго и наверняка счастливо. На бабу Розу это произвело неизгладимое впечатление. Она просто заходила от возмущения: хозяйка тратила все деньги на лекарства для собаки, а сама умерла, хотя могла бы еще жить, если бы не эта собака. Почему-то в смерти соседки баба Роза винила собаку с человеческим именем.

Петя знал, что ему никогда, ни за что не позволят завести хомячка, птичку или рыбку. Наверняка у бабы Розы найдутся страшные истории и про рыбок, съевших своего хозяина.

Мальчик все детство мечтал хоть о ком-нибудь – черепахе, попугае, но баба Роза его даже не слушала. На прогулке ему разрешалось лишь положить орешек в кормушку для белок и отойти на безопасное расстояние. К голубям он не смел приближаться ближе, чем на метр. Только уткам в пруду мог бросать хлеб, стоя высоко на пригорке.

– У тебя дома есть животные? – спросил Петя Ксюшу, когда она предложила ему к нему переехать.

– Нет, а что? У мамы аллергия на шерсть.

Петя подумал, что ему очень повезло с Ксюшей.

* * *

Мужчина у загса, так и не уговорив женщину, кинулся к новобрачным, которые выходили из дверей, и чуть ли не насильно надел на палец невесты специальное колечко, крепившееся к голубиной лапе.

Молодые на счет три запустили голубей. Кольцо на пальце невесты не сразу снялось, произошла заминка. Но потом голубка, если, конечно, под краской была именно она, а не голубь, долетела до партнера, полетала над электрическими проводами и вернулась к хозяину.

Петя отвез притихшую Ксюшу на работу и отправился на свою, опаздывая, но без внутреннего страха перед начальницей. У него было объяснение, уважительная причина – подавал заявление в загс. Женится. Это даже лучше справки от врача.

– Не задерживайся, вечером сообщим маме и тете Любе, – сказала ему Ксюша так, как будто речь шла о том, что в семье случилось горе.

Как и ожидал Петя, начальница не нашлась, что ответить на его радостное сообщение о скорой свадьбе. Он привычно перекладывал бумажки, ходил обедать, выскочил пару раз покурить, даже договорился с коллегой выпить пива после работы. От отца пришло письмо, в котором тот просил помочь установить на компьютер скайп. Петя отправил ссылку на сайт, и отец тут же ответил паническим: «Что это такое?» Петя подумал, что надо бы написать отцу про то, что сегодня произошло в общем-то важное событие, но не стал. Папа вежливо просил заехать и помочь «разобраться с компьютером»: «Ты же знаешь, как я не люблю эту технику! Не понимаю, почему нельзя позвонить по телефону! А что – звонить на домашний теперь не принято? Почему все звонят на мобильный? И что за манера – устраивать домашний стриптиз? Объясни!» Отец рассказывал, что его более молодой и более успешный коллега предпочитает именно такой вид общения. И отец был вынужден задержаться на работе, где с помощью одного из студентов вышел в скайп, приготовившись к общению. И что он

увидел? Человека, который расхаживал по кухне в домашней одежде, наливал себе кофе и делал вид, что только так и можно общаться с людьми почти вдвое старше его. А Петин отец потел в душевной аудитории и пялился в глазок камеры, боясь пошевелиться, с завистью глядя на коллегу-выскачку, прихлебывавшего кофе. А сам он, отец, отвратительно, просто ужасно смотрелся на мониторе. Лицо толстое, нос красный!

Петя написал, что заедет сегодня и установит скайп на домашнем компьютере, чтобы отец мог общаться с коллегами в свободной обстановке. Он хотел пошутить и рассказать папе, что по скайпу можно даже сексом заниматься, но не стал.

– Ты где? – Ксюша позвонила Пете в тот момент, когда он открывал дверь бара по соседству с работой.

– Только вышел с работы. Домой еду, – ответил жених, не задумываясь.

– Мы тебя все ждем, – заявила Ксюша и положила трубку.

Пиво пришлось отменить. Визит к отцу Петя решил не отменять – заехать минут на пятнадцать.

– Ты где? – звонила еще два раза Ксюша.

– В пробке. Тут авария, – отвечал Петя. Он врал, потому что боялся признаться Ксюше, что опять напрочь забыл про праздничный ужин, который его ждал дома («Нет, мы едем не ко мне, а домой! – настаивала Ксюша. – Это теперь и твой дом!»).

У отца он быстро установил скайп, показал, как пользоваться, добавил контакты и решительно заверил отца в том, что камера нормальная и совсем его не портит. Да, он отлично выглядит.

Отец придиричиво разглядывал собственное отражение в квадратике и носился с компьютером по квартире в поисках наилучшего ракурса и света. Петя, не удержавшись, признался:

– А мы с Ксюшей сегодня подали заявление.

– Зачем? – удивился отец.

– Что значит – зачем? Решили пожениться.

– Сколько?

– Что – сколько?

– Ну тут может быть два варианта. Или сколько месяцев беременности, или сколько тебе нужно денег, – хмыкнул отец. Пете даже показалось, что он рассердился.

– Беременности нисколько. Денег тоже не надо, – сказал он.

– Это еще вчера было не надо. Ладно, дам сколько смогу. Ты за этим приехал? Мог бы и по телефону сообщить. Почему ты приезжаешь, только тогда, когда тебе что-то от меня нужно? А просто так? В конце концов, я твой отец. Ты можешь просто поинтересоваться, как мое здоровье, как я себя чувствую?

Петя молчал, как делал это всегда. Напоминать отцу, что он сам его попросил приехать, рассказывать, что прямо сейчас Ксюша ждет его дома, а он врет, говоря, что стоит в пробке, было бессмысленным.

– Сто тысяч тебе хватит? – спросил отец.

– Мне не нужны деньги, – просипел Петя. – Я просто решил сказать. Чтобы ты знал.

– Кажется, мне нужен новый компьютер. В этом камера очень плохая, – озабоченно проговорил отец.

– Ладно, я поеду. Ксюша ждет.

– Ксюша – юбочка из плюша... Ты вырос удивительным эгоистом. Скоро придет Марина, ты ее не дождеешься? Мог бы хотя бы привет передать.

– Передавай привет.

Петя в этот момент отца ненавидел. Таких моментов было много, но Петя прекрасно понимал, что изменить ничего не может.

Он оставил отца осваивать новые технологии и поехал домой. Да, Ксюша была права – теперь ее дом был его домом. Во всяком случае, там его ждали.

* * *

– Дорогие друзья! Вот мы уже выпили, закусили и пора переходить к нашей праздничной программе! Готовы? Да? Не слышу! Вот что я недавно узнал. Оказывается, представители разных профессий по-разному умеют любить. Повар любит горячо! Подсказывайте! Ну, дружно! Пожарный? Как? Правильно – пламенно. Фотограф – моментально. Кондитер? Как? Ну конечно, сладко! Бухгалтер расчетливо. Врач – смертельно, адвокат – красноречиво, спринтер – стремительно. А теперь давайте узнаем, как наши молодые любят друг друга! Вот вам яблоко искушения. В нем – шпакли. Вынимайте по одной и говорите друг другу, как вы будете друг друга любить! Кто больше скажет, тот больше любит! Гости, поддержим молодых! Можете подсказывать! Давайте так – прекрасные женщины подсказывают невесте, а мужчины – жениху! Начали!

Не в микрофон:

– Мама невесты, что случилось? Что я сказал? Когда? Про врачей? Что я сказал про врачей? Что врач любит смертельно? Это же шутка. Понимаете? Нет, я ничего такого не имел в виду. Кто врач? Жена двоюродного племянника? И что? Обиделась? Ушла плакать в туалет? Как я мог? Но это же шутка! Нет, я не считаю, что врачи – убийцы! Нет, оборотни бывают не только в погонах. Это я опять шучу. Мама невесты... Да, пошутил. Кто в погонах? Как раз двоюродный племянник! Вы тоже мечтали выйти замуж за военного? Хорошо, я очень вас понимаю. Форма и все такое. Нет, мне не нравятся военные. Не в том смысле. Нет, я не гей. Просто сказал, что вас понимаю. Почему все актеры – геи? Да, я актер, профессиональный, между прочим. Да, и в театре играл. Вы мне срываете программу. Хорошо, я больше не буду говорить ни про врачей, ни про военных. Да, и шутить буду осторожно. Какое сейчас время? Что опасно? Кто услышит? Мама невесты, у нас свадьба! Идите на место. Вам скоро поздравление зачитывать. Да, можно по открытке. Можно два стихотворения. Что, сами написали? Хорошо, я скажу специально об этом. Когда зачитывать? После Путина. Мама невесты, вам плохо? Воды дайте кто-нибудь. Это шутка – видеообращение президента. Очень распространено на свадьбах. Да, берется нарезка из выступлений президента, как будто он обращается к молодым. Всем нравится. Никаких претензий не было. Нет, президент в суд на вас не подаст. Почему не смешно? Все смеются. Да, Медведев тоже есть. И Стас Михайлов. Кого вы хотите? Чубайса? Вот кого-кого, а Чубайса нет. Ну что, Путина оставляем? Нет, все на законных основаниях! Мама невесты, идите на свое место! Молодые не знают столько прилагательных, и яблоко давно кончилось! Девушка! Да, вы! Перекур будет, я вам обещаю. Потом накуритесь. Отведите маму невесты на место! Спасибо! Нет, я не Валентин, а Леонид. Да, Валентин было бы круче, согласен. Нет, у меня нет лука со стрелами. Куда вы несете бутылку из-под кока-колы? Что? Там виски? Кто не дает пить? Двоюродная тетька говорит, что вам рано? Понятно. Тогда идите, курите.

* * *

Елена Ивановна была при параде. Петя не знал, как она к нему относится. Наверное, хорошо. Сырниками кормит и рубашки гладит. Но ходит, как будто не у себя дома, по стеночке в ванную пробирается.

Елена Ивановна не знала, как относиться к Пете. Никак не могла разобраться в собственных чувствах. Вроде бы приличный молодой человек. Немного инфантильный, но сейчас ведь молодежь вся такая. Конечно, лишь бы Ксюше было хорошо. Вот она захотела замуж, и Петя согласился. Значит, хороший мальчик, честный, порядочный. Но ведь как тяжело в одном доме жить. Все-таки мужчина. Ксюше все равно, она и не замечает неудобств, а то, что Елене Ивановне пришлось свое полотенце и косметику из ванной в комнату перенести, – это как? Да и хлопот стало много – надо же и погладить, и приготовить. Ксюша ведь думает, что порошок стиральный сам собой в машинке оказывается, а это ведь тоже деньги. Петя ничего на хозяйство не дает – Елена Ивановна уж выкручивается, как может. А если в месяц посчитать – хлеб, молоко, мясо. Да те же яйца! Наверное, надо ему намекнуть как-нибудь потактичнее, а то ведь сам не додумается. Или Ксюше сказать? Та вообще не поймет, о чем речь. А может, подождать, пока распишутся? А то вдруг из-за нее свадьба разладится, и что тогда? Ксюша матери этого не простит. Конечно, плохо, что Ксюша жениха в дом привела и он согласился. По уму-то надо было, чтобы невеста к жениху уехала. А как его спросишь про квартиру? Неудобно. Нет, не о таком зяте мечтала Елена Ивановна. Но где другого взять? Если уж Ксюша себе в голову что-то втемяшила, то бесполезно убеждать. Но хоть какие-то деньги он мог бы давать – на тот же творог. Она ведь на рынке берет, не в магазине. Да ладно творог, картошка-то тоже подорожала! И по вечерам... Как же неловко по вечерам... Заснуть невозможно. Стены ведь – гипсокартон. Дунешь – развалятся. Ремонт еще пятнадцать лет назад делали. Все же слышно! А им хоть бы хны. Ну да, молодые, взрослые. А ей каково за стенкой лежать? Может, поговорить аккуратно с Ксюшей да спросить – как они после свадьбы жить собираются? Неужели у них? Места-то мало – квартира хоть и трехкомнатная, но метров всего ничего! Да еще Люба почти прописалась – как приехала, так и не уезжает. Не выгонишь же – сестра родная. А потом, она и деньгами помогает. Вот у Любы откуда деньги? Принесла вчера кусок говядины, точно с рынка. А на что купила? Все же жалуется, что нет. Но и сахар покупает, и муку. Молча – ее просить не надо. Сама все видит. А если ребенок появится, то куда его? Нет, Ксюша не такая, с ребенком не будет спешить. Или будет? Родит, как говорится, «отстреляется», чтобы Петя никуда не делся? А ведь может деться. Молодой еще. Ох, наплачется еще Ксюха. Но ведь где-то Петя жил до этого? Ничего ведь не известно. Только то, что отец в институте преподает. Да бабка в деревне. Так ведь тоже нельзя замуж выходить, когда ничего не знаешь. А он молчит и улыбается. Даже не понятно, что думает, что у него на уме. Да и Ксюха хороша. Что ей вдруг в загс приспичило? Молодая, красивая. Куда торопиться? И не похоже, чтобы любовь была уж какая-то. Да и не беременная вроде. Это ж сколько денег на свадьбу надо? Они ведь в ресторан захотят, и Ксюха о платье с детства мечтает. Петя о деньгах не заикался даже. Кто платить-то будет? Это ж надо выбрать, посчитать, купить, заказать... Люди вон за год начинают готовиться... Надо бы хоть с родственниками познакомиться. Лишь бы люди хорошие оказались. А если нет? Как же с ними общаться?

Состояние страха и паники для Елены Ивановны, вырастившей единственную дочь без мужа, было естественным. Она в равной степени боялась третьей мировой войны, ожидающихся заморозков на выходные, появления у дочери жениха и вспышки краснухи, о которой услышала в новостях. Елена Ивановна не спала ночами, думая, убирать ли в шкаф теплые сапоги или еще погодить, в каком салоне покупать свадебное платье, правильно ли она поступила, не сделав дочери прививку от краснухи в детстве, и стоило ли купить еще муки и сахара на случай повышения цен. Эти мысли одолевали ее ежедневно, еженощно. С появлением в их доме Пети Елена Ивановна совсем перестала спать, переживая по поводу того, как дочка выйдет замуж или не выйдет замуж, если Петя ее бросит, или выйдет, но неудачно, или выйдет удачно, а потом начнутся проблемы. И что делать тогда?

С родителями Пети Елена Ивановна не была знакома. И это беспокоило ее больше других многочисленных проблем. Почему Петя их скрывает? Не то чтобы скрывает, но очень неохотно о них рассказывает. Она спрашивала, можно сказать, напрямую, и Петя сообщил, что была баба Роза, которая умерла, и есть баба Дуся. Папа да, преподаватель. Да, с мамой тоже все хорошо. Познакомиться? Да, обязательно. Конечно...

Елена Ивановна проворочалась до пяти утра – а вдруг она не понравится сватьям, или они ей не понравятся, или Ксюша не понравится, или еще что-нибудь? А где устроить встречу? Дома или в ресторане? А что надеть? Почему Ксюша молчит, как воды в рот набрала? И кто должен организовать встречу – она или та сторона? А может, подождать и пусть будет, как будет? Нет, это дело Пети. Но он тоже не спешит. Но и не отказывается. И что это значит? Конечно, будь у Елены Ивановны муж, то было бы легче. Ей хотя бы было на кого переложить ответственность и заботы. Да хотя бы поговорить было с кем! Но мужа не имелось, равно как брата, крестного или другого мужчины, на плечо которого Елена Ивановна могла бы опереться. И она в пять утра заливалась безутешными слезами – ведь это она виновата в том, что Ксюшу некому повести к алтарю. К какому алтарю? Это только в кино к алтарю водят. Ну хотя бы в загс. И ее саму поддерживать под локоток. Тост произнести, в конце концов. Да хотя бы ради приличия. У Ксюши-то, получается, никого и нет – только она и тетка. И некому заступиться, с зятем по-мужски поговорить. Если бы можно было вернуть все назад, она бы ни за что так не сделала. Хотя нет, сделала бы. Есть ведь Ксюша. И это – самое главное в ее, Елены, загубленной жизни.

И Елена Ивановна, родившая Ксюшу «для себя», от глубоко женатого мужчины, у которого были другие дети и другая жизнь, по стеночке пробиралась на кухню пить капли.

Сколько раз она хотела позвонить Ксюшиному отцу и сказать: «Это я. А твоя дочь сказала «мама», пошла в первый класс, окончила школу, поступила в институт, и вот теперь... выходит замуж». Но так ни разу и не позвонила. Не позвонит и сейчас. Не хватит смелости, нормального бабского хамства, инстинкта самки, которая за своего детеныша разорвет в клочья. Елена Ивановна знала, что у нее «кишка тонка», как говорила о ней сестра, Любка. Но и та не позвонит. Только грозиться будет. А ведь можно позвонить и сказать, что ничего не надо, просто поставить в известность. Хотя что значит – ничего не надо? Надо. Всю жизнь было надо. И денег, и поддержки, и отца для дочери. Елена Ивановна кляла себя за бесхребетность, за порядочность, которая никому – ни ей, ни Ксюше – не принесла счастья. И дочь наверняка боится повторить ее судьбу, поэтому и бежит замуж так, что пятки сверкают. Чтобы было все как у людей. Дай бог, чтобы Петя оказался другим, хотя Люба твердит, что все они одинаковые. И Петя тоже. Поживет с годик и налево пойдет. Как пить дать. Любе Петя совсем не понравился. Мальчик это чувствует наверняка. Лишь бы только все шло хорошо...

Елена Ивановна посмотрела на часы – шесть. От капель никакого толку. Уж лучше сырники пожарить. Или кашу сварить? Геркулеса много, срок годности скоро истечет. Надо использовать. Она налила молоко в кастрюльку и вернулась к собственным мыслям.

Ксюша пошла не в нее. Несмотря на юный возраст и внешность испуганного ребенка, она отлично знала, чего хочет и как этого добиться. Елена Ивановна даже восхищалась собственной дочерью, у которой не было отбоя от женихов и которых та отметала решительно и без всякого сожаления. Петю выбрала Ксюша, а не он – ее, в этом не было никаких сомнений, и поставила мать перед фактом. Дочь знала, что выйдет замуж за Петю, когда тот даже не подозревал об этом. Ксюша отвечала на вопросы скупой, отчего Елена Ивановна переживала еще больше. По неким намекам Елена Ивановна догадалась, что у Пети семья тоже «неполная», и даже капли не помогли ей уснуть в тот вечер.

Перед глазами то и дело мелькали незнакомые мужчины и женщины, которые вот-вот должны были стать ее родственниками. Елена Ивановна уже с утра вынуждена была при-

нять таблетку от головной боли. Спрашивать что-либо у Ксюши было бесполезно – дочь твердила, что все будет хорошо, что все нормально и мама должна успокоиться. Что с родственниками можно познакомиться для приличия и никто не заставляет с ними общаться или дружить. Что у них с Петей своя собственная семья и они сами разберутся. И жить они будут там, где захотят. Да, у Пети есть собственная квартира, но ей, Ксюше, удобнее пока жить дома. А там разберутся. Это слово – «разберемся», которое Ксюша повторяла как заведенная в ответ на все вопросы, – лишало Елену Ивановну всякой воли. Она покорно соглашалась.

И вот сегодня они подали заявление в загс, отчего у Елены Ивановны еще с утра холодели руки и скакало давление. Как назло из Клина опять приехала Люба – старшая сестра, которую Елена Ивановна тоже побаивалась еще с детства и никогда ей не перечила. Ведь только неделю назад уехала и договорились встретиться только на Новый год. И вот, пожалуйста, опять заявила.

Тетя Люба приезжала без предупреждения, устраивалась на диване в гостиной, которую называла «залой», и жила столько, сколько хотела. И Елена Ивановна страдала, варила борщ, смущенно выбирала на полке в магазине вино – тетя Люба любила выпить вечером – и выдавала гостю чистое полотенце и белье, не решаясь спросить, зачем та снова приехала в Москву и надолго ли задержится.

* * *

– Ну наконец-то! – Тетя Люба скинула сапоги в прихожей и тут же пошла в туалет, откуда продолжала говорить. Елена Ивановна вынуждена была стоять под дверью, слушая звук льющейся мочи и рассуждения сестры и проклиная себя за то, что позвонила и сообщила радостную новость – Ксюша с Петей подали заявление.

– Загс – это хорошо, правильно, – говорила тетя Люба, нажав на слив, – живете-то все равно в бесовщине. Вот в чем все дело. Но венчаться надо. Пока детей нет. Чтобы дети не во грехе родились. А у меня новый батюшка. Отец Василий зовут. К нему очередь меньше. Устала я стоять к отцу Владимиру. Пока отстою, так уже забываю, что сказать хотела. А Василий этот молодой, новенький, но хороший, внимательный. Так что я теперь то к отцу Владимиру, то к отцу Василию хожу. Я же чего приехать хотела? К Матронушке съездить и сразу назад. А у вас тут вон какие новости! Ты как позвонила, так я сразу и собралась. Оставь вас на неделю, и вы тут притон устройте! Не делай такие глаза, я шучу.

Тетя Люба стала ходить в церковь два года назад и обрела смысл жизни. Вот теперь она из туалета рассказывала, как преподнесла отцу Василию две банки малинового варенья, чем была очень горда.

– Я ж не знаю, как это делается! – Тетя Люба вышла наконец из туалета и протопала на кухню, где тут же открыла холодильник в поисках еды. Елена Ивановна в последние дни сидела на кефире и гречке без соли, она вообще к еде была равнодушна по причине многолетней диеты, поэтому сестра, презрительно понюхав гречку, вытащила из собственной сумки краковскую колбасу, хлеб, малосольные огурцы и принялась сооружать бутерброд. От запаха Елену Ивановну затошнило и захотелось есть. И выпить. Водки.

– Тебе не предлагаю, – хмыкнула Люба и смачно откусила кусок.

Елена Ивановна притулилась на табуретке и скорбно сложила руки на коленях, думая о своем кефире на ночь.

– А мужика вы чем кормите? – осведомилась тетя Люба. – Его ж кормить надо! Он же для вас сейчас как бык-производитель! Если его не кормить, что он сделает-то? Силенок не хватит. А еще говорят, если мужик худой, то у него и эта, как его, сперма плохая, неподвижная. Детей заделать не сможет. Скажи Ксюхе, пусть мяса побольше в него впихивает, да пожирнее. Тогда и ребенок хилым не будет. Ладно, кому я это рассказываю? Сама на рынок

схожу, куплю все, что надо. А ты, Лена, со мной поедешь к Матронушке. Обязательно. Даже не спорь. Попросишь за Ксюху.

– Ну что ты такое говоришь? Какое мясо? Какой ребенок? – ахнула Елена Ивановна, в очередной раз поражаясь дремучести сестры.

Они с Любой хоть и были родными по крови, но совсем чужими. И даже внешне не похожи. Елена Ивановна из-за сознательного аскетизма, отказа от еды и других радостей жизни, была сухой, строгой, нервной и очень нравственной. Себя она называла консервативной. Люба же, несмотря на воцерковленность, грешила, нарушала, каялась, молилась, снова грешила, но не могла себя ограничивать. Она влюблялась в батюшку, но уже через месяц «уходила» к другому, разочаровавшись в «бывшем». Убедив себя в том, что пост она выдержит непременно, Люба отрезала кусок колбасы, после чего страстно каялась и немедленно успокаивалась, не испытывая никаких мук совести.

– Продавщица в магазине попалась хамка, – продолжала рассказывать Люба, откусывая от бутерброда. – Да еще еле двигалась. Так я на нее наорала. Потом говорю про себя: «Прости, Господи, не надо было кричать, поддалась бесовщине». Вот встала с утра и думаю: «Ну пятьдесят лет, ну и что? Даже климакса еще нет». И попросила: «Дай, Господи, мне личного счастья», а потом каялась, что не то попросила. Бесовщине поддаюсь. Нельзя же такое просить! А с другой стороны – я же женщина. И Матронушка меня поймет. Хочется ведь! Вот попрошу и буду ждать. Говорят, очень действует. А ты Ксюху к мощам отведи, за ребеночка пусть попросит. А то сейчас девки молодые вообще родить не могут. Как проклятие на них. У нас в церкви знаешь сколько таких? Вот я удивляюсь. Мы и абортывали, и мужики нас не жалели, драли как коз сидоровых, и ничего. Бегаем. А эти – малахольные. Послушаешь, так только молиться остается – то у них несовместимость с мужем, то кисты какие-то. Мы в наше время про кисты и не слышали. То они прижигают себе что-то, то готовятся к беременности. Вот это как, ты мне объясни. Как готовиться-то? Раньше такого не было – какие там анализы? Успевай только на чистку бегать. Ох, а Ксюха-то тоже беременная или так, вроде как по любви?

Ответов на свои вопросы Люба не ждала. Да и Елена Ивановна не смогла бы ей ответить. Единственное, что хоть как-то сближало сестер, – это желание личного женского счастья. Люба считала, что Елене больше повезло в жизни – Ксюху родила. А у нее – никого. Ни мужа, ни детей. А все потому, что не хотела, как у всех, а хотела по-настоящему. И только теперь, в пятьдесят, поняла, что надо было через церковь идти, через венчание. И рожать детей столько, сколько Бог посылал. А то, получается, всю жизнь в бесовщине прожила. Вот теперь грехи отмолит и, может, и счастье ей будет. Ведь так хочется! В их хоре поет один мужчина, тенор, очень приятный. Женатый, но с женой не живет давно. Может, у них что и получится.

Елена Ивановна соглашалась с сестрой – да, получится. Но ни за что не призналась бы ей в том, что, прогуливаясь в парке в лучшем своем полупальто и берете, искала глазами встречи с таким же одиноким мужчиной. А вдруг ее счастье близко? Вдруг рядом? Но если Люба формулировала свои желания конкретно и прямо – «мужика надо», то Елена Ивановна мечтала о романтике, совместных прогулках, разговорах и душевном волнении, которое заставляет стучать сердце. В Бога она не верила, а верила в фильмы и книги. Вот она идет по дорожке, встречается с ним взглядом, и все... Когда-то давно Елена Ивановна прочла, что встреч не нужно искать, мужчина появится тогда, когда этого совсем не ждешь. И уже много лет, гуляя по аллеям парка, она убеждала себя в том, что нет, ничего не ждет, совсем ничего. Но мужчина, тот самый, все равно не встречался.

– Опять я Толика на соседку бросила. А что делать? Он, бедный, так плакал, когда я уезжала... – сокрушалась Люба.

В принципе, как рассуждала по ночам Елена Ивановна, они с сестрой находились в равном положении. У Елены Ивановны была Ксюха, а у Любы – Толик. Не сын, сиамский кот, которому Люба дала алкоголическое мужское имя. Про «алкоголическое» – это Елена Ивановна говорила про себя, не дай бог сестре такое сказать.

С Толиком Люба носилась не меньше, чем Елена Ивановна с Ксюхой. Кот был ее ближайшим родственником, ближе, чем сестра.

– Толику новый туалет купила. Такой наполнитель, что сама бы туда какала, – хвасталась Люба. – У Толика кашель. Помолилась за него сегодня, – продолжала она.

– Как помолилась? Он же не человек.

– Ну и что? Божье создание. Молилась, как за Анатолия, – удивлялась Люба непонятливости сестры.

В те редкие случаи, когда Елена Ивановна приезжала в гости к Любе, она наблюдала Толика воочию – тот любил копаться в сумке, вытаскивать жвачку и гоняться за оберткой от конфеты. Елена Ивановна специально делала катыш и бросала Толику, пока не видела сестра. И тот, скользя когтями по ламинату, заходился в истерике, не в силах вытащить бумажку из-под двери. Елена Ивановна испытывала мстительное удовлетворение.

– А регистрация когда? – спросила тетя Люба, отрезая себе еще кусок краковской, от запаха которой Елену Ивановну снова затошнило и в желудке начало урчать. Она невольно потянулась к разделочной доске – сестра игнорировала тарелки и столовые приборы, употребляя еду из сковородок, с досок, с ножа, искренне считая, что тем самым облегчает Елене жизнь – меньше посуды мыть. И Елена уже было подцепила пальцем «колясик», как говорила Люба, колбаски, но та тут же ударила ее по руке:

– Тебе ж нельзя! Желудок!

Елена Ивановна давно придумала себе язву желудка на нервной почве, как придумала себе мигрень и низкое давление. С помощью этих нехитрых средств она могла вызывать жалость и рассчитывать на относительный покой. Если Люба собиралась приехать и считала нужным об этом сообщить, Елена Ивановна слабым голосом с придыханиями шептала в телефонную трубку про низкое давление, рвоту и полное отсутствие каких бы то ни было сил. Но опять ошибалась, отсрочить приезд сестры хотя бы на неделю не удавалось – Люба появлялась на пороге тем же вечером с какими-то заговоренными травами, молитвами, иконками и... краковской колбасой, без которой не могла обойтись ни дня.

Любе Елена Ивановна завидовала – ее невоздержанности в еде, плотским желаниям, полноте, перевалившей за центнер, которая внешне выглядела вполне привлекательной. Люба не стеснялась валиков на животе, протертости между ног и груди, которая выпирала по бокам из лифчика. Она считала себя красавицей, женщиной Рубенса, которого называла Рубеном, считая, видимо, армянином. Елена Ивановна закатывала глаза, удивляясь непроходимой необразованности сестры. И точно так же она гордилась собой – тем, что сохранила стройность, пусть и граничащую с сухостью, что не разожралась, не распустилась в отличие от сестры.

Елена Ивановна сглотнула горькую слюну и смиренно приготовилась... к чему угодно. Лишь бы Люба ничего не испортила. А если она сболтнет лишнего? Надо только чуть-чуть продержаться. До свадьбы. Может, сказаться больной? Ксюша не станет устраивать скандал, а Петя вроде бы добрый мальчик. Ох, как некстати приехала Люба. Или ее Бог послал? У нее же что в голове, то и на языке. Церемониться не будет. Но ведь Петя ей не нравится. Или уже нравится? Да, надо будет поехать к Матронушке – попросить терпения. Сестра тем временем вернулась к рассказу о малиновом варенье.

– Так вот я спрашиваю отца Василия, могу ли я ему варенье подарить на Пасху. В очереди подслушала, что все что-то дарят – кто икону, кто молитвослов. Я же не знала, что положено дарить. Грех это мой – все только беру, а ничего не отдаю. Иконы дорогие, у меня

денег таких нет. Ну, что я могу ему подарить? Полотенце? А варенье я сама накрутила, душу вложила. У отца Василия, хоть он и молодой, уже трое детей, да четвертый на подходе. Вот я и подумала, что варенье в семье всегда сгодится, детям в чай или просто так. Да и нет у меня ничего, кроме этих банок, и взять неоткуда. Ну, ты представляешь, я пришла, варенье в сумке держу и спрашиваю, что можно дарить. А он мне отвечает, что ничего не надо. Нет такого правила. А у меня сумка руку оттягивает – варенье это не знаю куда деть. Ну, я так в лоб ему и говорю, что, мол, варенье принесла. Возьмете? И знаешь, что он мне ответил?

– Что? – У Елены Ивановны от запаха краковской колбасы началась мигрень, причем не та, которую она имитировала для Любы или для Ксюши, а настоящая. Есть хотелось нестерпимо. Даже голова начала кружиться. Так бы и вырвала из рук Любы бутерброд и засунула в рот, не жуя.

– Сказал, что подарок должен быть сделан без гордыни. Понимаешь?

– Понимаю. – Елена Ивановна с ненавистью и завистью рассматривала колбасный жир на подбородке сестры.

– А я не понимаю. Как это – без гордыни? Ты же знаешь, что мое варенье – пальчики оближешь. Конечно, я горжусь. А что в этом такого? Я ж каждую ягодку к ягодке собирала, варила, банки закрывала.

– И что? – Елена Ивановна, воспользовавшись задумчивостью сестры, стянула со стола колясик колбасы и быстро засунула его в рот.

– Да ничего. Отдала я ему эти банки, и вот до сих пор сердце не на месте – правильно ли поступила? Решила, приду к нему в следующий раз и спрошу. Так ведь? Еще собираюсь к тебе в мае приехать, надо благословение попросить.

– Раньше тебе не требовалось никакого благословения, – буркнула Елена Ивановна. Сжеванный кусок колбасы только усилил мигрень, а желудок по-прежнему требовал еды.

– Бесовщина, – заявила Люба. – Вот не понимаешь ты ничего! Где Ксюха-то?

– Они сейчас придут.

Люба чуть со стула не упала.

– Как – сейчас? А ужин? Это ж надо отметить! Одни или с родителями? А благословение ты им дала? Дата какая? Как не знаешь? Даже не посоветовались? Как же так можно? Вот вернусь, пойду к отцу Владимиру, посоветуюсь. Отец Василий молод еще, у него опыта нет в таких делах. Буду молиться за вас. – Люба начала осенять себя и сестру, а заодно квартиру крестом. Если бы у нее с собой была святая вода, она бы все комнаты окропила, защищая от бесовщины.

– Как решат, так и будет, – смиренно проговорила Елена Ивановна. – Лишь бы были счастливы.

– Так что ты сидишь? Такое событие! А у тебя в холодильнике только кефир протухший! Если Ксюха до загса его доведет, то до церкви я его лично дотащу, не сомневайся! Если Петр, то точно православный! Выпить-то есть в доме? – Люба подскочила как ошпаренная и кинулась грохотать дверцами ящиков и вытаскивать сковородки. Елена Ивановна с несказанным счастьем медленно отрезала себе черного хлеба, намазала щедро маслом и положила сверху колбасу. Даже шкурку не сняла. Потом подумала и водрузила сверху малосольный огурчик. Огурцы Любе удавались даже лучше малинового варенья. Остренькие, хрумкие, пахучие, с чесночком – язык проглотишь. Елена Ивановна откусила кусок от бутерброда и зашлась от счастья – мигрень отступила, как и не бывало, а в ноздри ударил запах жареных шампиньонов, картошки с луком, мяса. Люба колдовала над плитой, доставая из глубин сумки и грибы, и молодой чеснок, и зелень, и говяжью вырезку.

Елена Ивановна успела доесть бутерброд, и ее потянуло в сон. Столько бессонных ночей, столько переживаний. Хорошо, что сестра рядом. Можно расслабиться. Елена Ивановна дошла до дивана и рухнула как полено. Даже не помнила, как уснула.

* * *

- Ты где??? – Ксюша орала в трубку.
- Еду! – уже честно ответил Петя.
- Где ты был?
- Заезжал к отцу. Сообщил.
- Я тебя жду в кафе. – Ксюша вроде перестала кричать, удовлетворившись объяснением.
- Почему в кафе?
- Нужно, чтобы мы вместе домой зашли, – терпеливо и торжественно объяснила Ксюша. – Мы же теперь вместе по-настоящему.

Люба нажарила картошки с грибами, мяса, сварила свекольник из завалившейся сморщенной свеклы и сварганила морс из малинового варенья. Она «упыхалась» и села передохнуть. В этот момент в дверь позвонили.

– Здравсьте, тетя Люб, – быстро и по-деловому сказала Ксюша. – Подали. На девятнадцатое. Другие даты были заняты, только эта свободна.

Елена Ивановна, подскочив с дивана, еще не проснувшись до конца, заплакала от счастья и кинулась обниматься к Пете, который жался в прихожей.

– Пойдемте скорее, голодные, наверное, все готово, – запричитала Елена Ивановна, как будто это она простояла у плиты, готовя праздничный ужин.

Петя от еды никогда не отказывался и быстро пошел на кухню.

– Что? На какое? – Тетя Люба преградила всем дорогу. Она стояла в коридоре, разметав руки по стенам.

– Девятнадцатое, – ответила Ксюша, которая нырнула под рукой тети Любы, быстро расставила тарелки и засунула нос во все сковородки и кастрюли.

– Так нельзя же! Бесовщина! – заорала тетя Люба.

– Почему нельзя? – Ксюша успела цапнуть со сковородки картошину и говорила с открытым ртом, чтобы не обжечься.

– Перед Пасхой! – воскликнула тетя Люба.

– А когда можно? – спокойно спросила Ксюша.

– На Красную горку!

– Не, уже нельзя. Все даты заняты. – Ксюша прожевала картошину и цапнула новую.

– Не ешь со сковороды, – сделала замечание Елена Ивановна.

– Тогда только в мае, – ответила Ксюша.

– В мае нельзя – всю жизнь маяться, – заявила тетя Люба.

– Тогда девятнадцатого. – Ксюша накидала себе на тарелку картошки и плюнула половником немного супа в тарелку для Пети.

– Нельзя. Не разрешаю! – торжественно заявила тетя Люба. – Или я к вам на свадьбу не приду!

– Тетя Люб, ну какая разница? Там ведь надо писать заявление, почему мы отказываемся от даты. Объясняться, столько волокиты...

– Вот и объяснитесь! Иначе я вам своего благословения не дам!

Ксюша хотела сказать что-то про благословение, но промолчала под умоляющим взглядом матери.

– Ладно, завтра ходим и перенесем, – согласилась она.

– А ты, жаних, чего молчишь? – гаркнула на притихшего Петю тетя Люба, проворно накладывая на тарелку побольше картошки, колбасы и отрезая ломоть хлеба. – Правильно, ешь давай! Венчаться-то будете?

– Не знаем пока, – ответила Ксюша с набитым ртом.

– Прожуй, потом говори, – вмешалась Елена Ивановна.

– Как это – не знаете? – всплеснула руками тетя Люба. – Развели бесовщину! Надо венчаться!

– Я не против, – живо откликнулась Ксюша. – У подружки была на венчании, очень красиво! Только тогда другое платье нужно, закрытое. И фату длинную, а я короткую хотела.

– Вот это правильно, – благосклонно заметила тетя Люба и подложила жениху еще порцию картошки. – Ты-то готов? Венчание – это тебе не в загс сходить! – обратилась она к Пете.

– Готов, – в очередной раз, как пионер, кивнул Петя.

– Только он не знает, крещен или нет, – сказала Ксюша с вызовом.

– Как это – не знает? Почему не знает? – Тетя Люба чуть сковородку из рук не выронила.

Петя кивнул, понимая, что его участие в разговоре не требуется.

– Так – не знает, – повторила Ксюша.

– Надо узнать! – Тетя Люба была готова к боевым действиям.

– Он не хочет звонить своим, – объяснила Ксюша.

– Что значит – не хочет? Не понимаю. – Тетя Люба уже пожалела, что положила жениху добавку.

– Не знаю, – ответила Ксюша, – не хочет, и все.

– Я хочу, завтра, сейчас уже поздно, – промямлил Петя.

– А кто-нибудь из родных в церковь ходит? – строго спросила тетя Люба.

– Да, бабушка верующая, – ответил Петя, и тетя Люба просветлела лицом. – И мама вроде бы. Даже в монастырь ездила.

– А маму как зовут? – спросила тетя Люба ласково.

– Светлана Леонидовна, – ответил Петя.

– Бесовщина какая-то, – поникла тетя Люба и начала размашисто креститься.

Елена Ивановна из-за собственных переживаний сначала не поняла, в чем сестра опять углядела бесовщину, а потом догадалась. У Любы была особая страсть к именам. Есть люди, которые верят в гороскопы, а Люба верила в имена. Натальей Леонидовной звали ее недолгую свекровь, а Марией Леонидовной – бывшую жену бывшего недолгого мужа, которая звонила Любе с угрозами и проклятиями, да такими страшными, что та предпочла развестись и коротать жизнь с Толиком. Так что к Леонидовнам тетя Люба испытывала стойкую неприязнь. Ее даже охватывал панический страх. О чем ни Ксюша, ни, конечно, Петя не подозревали. У жениха своих страхов хватало.

* * *

– Дорогие друзья! Давайте наполним бокалы и выпьем за молодых. Пожелаем им, чтобы их семейная жизнь была такой же полной, как наши бокалы, хрустальной, как их звон, такой же яркой, как это вино. Пусть не погаснет никогда счастливой жизни зорька. Пусть будет счастье вам всегда, ну а сегодня – горько! Раз, два, три, четыре!

А теперь мы хотим узнать, кто же родится первым у наших молодых. Предлагаю устроить гадание. Я попрошу жениха подойти ко мне, невеста пусть завяжет ему глаза. Так... Перед нами два тазика с водой. В одном лежит апельсин, а в другом банан. Невеста раскроет жениха, и посмотрим, в какой тазик он наступит! Нет, апельсин – это девочка,

мальчик – банан! Ну, дорогие друзья, поддержим жениха! Давайте, кто громче. Женщины болеют за девочку, а мужчины за мальчика. Так, раскручиваем жениха, только несильно. И... Ура!!! Давайте же выпьем за это! И снова – горько!!!

Не в микрофон:

– Да, что случилось? Кто вы? Тетя невесты? Хорошо. Что я не так сделал? Я виноват? В чем? Жених мокрый? Туфли? Нет, я не знаю, сколько стоят его туфли. Кто покупал? Мама невесты? Что? Валокордин? Нет, у меня нет валокордина. Почему я не сказал, чтобы жених снял туфли и носки? Как он будет до конца вечера мокрый сидеть? Нет, думаю, не застудится. Да, я знаю, что ноги нужно держать в тепле. Ну не зима же сейчас. Да, я думал, он сам догадается. Нет, я не мог его остановить – вы же видели, что он в таз полез. И не только ногами. Нет, фена у меня нет. В туалете есть сушилка. Да, прямо по коридору и направо. Я не знаю, можно ли высушить там туфли. Согласен, конкурс дурацкий. Что, девушка? Вы не поняли, почему апельсин – девочка? Апельсин, да, мужского рода, я знаю. Просто это символ. Да, согласен, пошло. Что, тетя невесты? Надо было конкурс с капустой проводить? Хорошо, обязательно учту на будущее. Нет, молодые видели сценарий и согласились на тазики. Пол мокрый? Кто-нибудь поскользнется? Сейчас придет уборщица и все вытрет. Кто вытрет жениха? Нет, я не знаю, почему у него костюм мокрый. Что? Тазик на себя вылил? Зачем? Нет, в конкурсе этого не было. Что, девушка? Вы не поняли, кто родится? Жених в двух тазах стоял? Значит, двойня. Нет, я не верю в эти гадания. Вы верите? Это шутка, понимаете? Чтобы было весело. Почему вы плачете? Грустная песня? Про одиночество? Хорошо, сейчас поставлю веселую. Что, мама невесты? Какая банка? Трехлитровая? Немного пахнет огурцами? Ничего страшного. Деньги не пахнут. Да, горлышко достаточно широкое. Да, скоро будем собирать деньги. Нужно ли банку цветной бумагой обмотать? Если хотите – обмотайте. Нет, я сразу же отдам вам банку. Обещаю. Не жениху, а вам. Договорились. Да, конверты тоже пройдут. Не волнуйтесь. Нет, не надо говорить гостям, чтобы готовили деньги. Это же конкурс, сюрприз. Нет, я не запомню, кто сколько положил. Что? Хорошо, скажите, пусть подпишут конверты, если вам так будет спокойнее. Нет, пересчитывать не будем. Обычно молодые в первую брачную ночь этим занимаются. Пакетик? Какой пакетик? Чтобы деньги из банки потом переложить? Можно пакетик. Нет, сейфа здесь точно нет. Куда пакет деть? Ну, в сумку положите. Не переживайте. Никто не возьмет. Нет, я не могу проследить за вашей сумкой, мне вечер вести надо. Да, конкурсы еще будут. Обещаю, без воды. Тазики можете забирать. Что, не ваши тазики? Хорошо, не забирайте. Нет, я не знаю чьи. Тогда забирайте.

* * *

У Пети, как и положено, было две бабушки. Евдокия Степановна с маминой стороны и Роза Герасимовна, на самом деле Рэйзел Гершевна, с папиной. Евдокия Степановна родилась в Рязани и, вывезенная в Москву в детстве, в городе не прижилась. По ее собственным словам, жить по-настоящему она начала, только перебравшись в деревню, в двухстах километрах от города.

Говоря о верующей бабушке, Петя немного приврал. Да, Евдокия Степановна была крещеной, но в Бога не верила. Она верила в обычных людей, которые были причислены к лику святых. Житие их баба Дуся читала, как увлекательный роман. Некоторые ей нравились, другие не очень. Причины были известны только самой бабе Дусе. Вот Февронию, например, баба Дуся не любила. Не понимала как женщину. А заморского святого Спиридона Тримифунтского уважала за то, что исцелял от неизлечимых болезней, помогал обрести кров. Так она рассказывала маленькому Пете, который благодаря бабе Дусе неплохо ориентировался в святых, мучениках и творимых ими чудесах.

Правда, за достоверность сведений он бы не поручился – баба Дуся рассказывала ему жития, как сказки. Могла и прибавить что-нибудь, чего не было, для красочности. Петя любил слушать бабу Дусю, особенно, когда она рассказывала про «басурман», сражения и завоевания, в которых проявили себя святые. И ему тоже казалось, что он, обычный мальчик, может сделать ка кое-нибудь дело, чудо, о котором потом все будут рассказывать. На службы в церковь баба Дуся не ходила. Правда, иногда выбиралась в храмы, где хранились святыни – к вещам святых баба Дуся относилась с большим уважением и верила в их чудодейственную силу. Вот в пояс Богородицы верила, в частичку истлевшей ткани, снятой с мощей... И вставала в четыре утра, чтобы пораньше добраться, увидеть, приложиться, попросить. Просила она за картошку, которая опять выросла гнилая и мелкая. Просила за яблони, чтобы в этом году плодоносили. А то в прошлом даже ведра не набралось. Просила за неведомых ей людей, которых увидела по телевизору. За телеведущего, который ей нравился, тоже просила, чтобы все у него хорошо было. Еще просила, чтобы моль не донимала – вот вчера шкаф открыла, а корки апельсиновые не помогли. Моль шубу сожрала. А шуба хорошая была. Жалко. Но пришлось на помойку выбросить. За себя и родных не просила. Считала, что нельзя, некрасиво вроде как.

– Бабуль, а то, что просишь, сбывается? – спрашивал ее Петя.

– Так кто ж знает? – пожимала плечами бабуля. – Как проверишь-то?

– Ты же помнишь, что попросила. Это же как желание, – удивлялся Петя, – сбылось или не сбылось.

– Ох, милый. Сегодня кажется, что сбылось, а завтра, глядишь, и вроде как нет. Это от человека зависит. Вот я думаю, что сбылось, и на душе легче. Яблоки-то в этом году точно будут. А просила я за них в прошлом. Так что, считай, сбылось. А про картошку – так я сама виновата. Не поливала. Ноги-то болели. А потопчись с утра со шлангом... Да и вскопали плохо. Вот и нет картохи. Тут только на себя пенять.

– А ты думаешь, святые тебя слышат? Как они понимают, что тебе нужно? Людей-то много.

– Думаю, слышат. Только выбирают те желания, что важнее. Ну и бог с ней, с картохой. У других-то беды поболее моих. Вот я думаю, что их и слышат в первую очередь.

– Тогда и ты попроси что-нибудь важное и серьезное. Так и проверим – сбудется или нет.

– Незачем их зря тревожить. Ты, главное, рядом, я еще хожу. Роза тоже нервы мне треплет. Так что все хорошо. Грех жаловаться.

Роза Герасимовна, вторая Петина бабушка, была еврейкой, привезенной в Москву в раннем детстве из Польши. Она считала себя атеисткой, но Петя ел у бабушки то треугольные пирожки – гоменташен, то мацу. Что, впрочем, не мешало Розе Герасимовне совместно с Евдокией Степановной красить яйца и печь куличи на Пасху. Эти две бабушки заключили негласное перемирие и соблюдали приличия. Поэтому Петя должен был держать в строжайшем секрете, что баба Дуся рассказывает ему про святых и показывает иконки – строгих мужчин и некрасивых женщин с недобрыми, вытянутыми лицами. Точно так же он ни за что на свете не мог рассказать бабе Дусе, что ходил с бабой Розой в магазинчик при синагоге, где она объясняла, что значит «кошерное» и к какому празднику она покупает вино.

В детстве Петя больше боялся бабу Розу, признавая за ней неформальное лидерство. Именно баба Роза теперь являлась ему в кошмарах, строго грозя пальцем. Наверное, потому, что она умерла, а баба Дуся жила, все так же возилась с картошкой, которая никак не урождалась, и к ней Петя должен был приезжать на выходные, чтобы «разобрать мебель».

Баба Дуся, устроившая на даче мебельный склад, никак не могла расстаться ни с одним предметом из старых гарнитуров. Даже табуретку выбросить у нее не поднималась рука. И задача Пети заключалась в том, чтобы перенести тумбочку или стул из одного угла комнаты

в другой, с террасы в чулан, из чулана на террасу. После смерти Розы Герасимовны все ее нехитрое имущество в виде кухонного гарнитура из карельской березы, который был предметом многолетней зависти Евдокии Степановны, ей и отошло. Но гарнитур, так красиво смотревшийся на кухне Розы Герасимовны, оказался неудобным – стол слишком большой, стулья чересчур тяжелые. Массивный диван из гостиной, перетянутый незадолго до смерти хозяйки тканью оливкового цвета в рубчик, был невероятными усилиями доставлен на дачу Евдокии Степановны. Диван не разбирался, не складывался и не помещался даже в грузовой лифт. Пока грузчики прилаживали диван, ставя его то на попу, то боком, то вдоль, то поперек, лифт замигал лампой, дернулся и сломался, не выдержав нагрузки. Евдокия Степановна, руководившая погрузкой, тогда перекрестилась, решив, что сватья не желает расставаться с имуществом. Но отступать Евдокия Степановна не привыкла. Диван спустили на руках, благо этаж был третий, и довели до деревни за бешеные деньги, потому что далеко. Но и там вожаденный диван, на котором любила сживать Роза Герасимовна и который придавал ей практически царственный и неприступный вид, отказался проходить в дверь.

– Бабуль, давай его до мусорки отвезем, а? Или на дрова порубим? Уже бесплатно, за счет фирмы, – предложил один из грузчиков, молодой парень, который в силу молодости не имел достаточно терпения.

– Я тебя сама сейчас на дрова порублю, – пригрозила баба Дуся, но грузчиков отпустила.

Двое суток диван стоял во дворе, вмиг растеряв все свое достоинство и величие. На рубчике появились следы птичьего помета, который размыл неожиданно хлынувший дождь – баба Дуся не успела прикрыть диван пленкой. Через два дня она вызвала в срочном порядке Петю и специалистов из фирмы по установке железных решеток на окнах.

– Сымайте, – велела она.

Специалисты стояли в нерешительности – еще ни разу их не просили «сымать» решетки, красивые, железные, с ковкой, поставленные ответственно и без халтуры.

– Бабуль, может, не надо? – спросил Петя, хотя знал, что спрашивать бесполезно.

– Надо.

Прекрасные кованые решетки были безжалостно выдраны, окно распахнуто, и те же специалисты, которые чуть не плача ломали то, что только недавно поставили, пропихнули-таки диван в окно. Решетку назад они тоже приладили, но уже так, на честном слове, больше для вида. Впрочем, Евдокия Степановна осталась довольна – диван Петя дотолкал до стены и плюхнулся на несколько раз засохший и снова намокший помет.

– Ты так хотела? – спросила он.

– Да, – ответила Евдокия Степановна, изображая радость. Опять сватья ей испортила все удовольствие – диван-то оказался хламидой, ящиком в обивке. Никакой красоты и ценности. Про ценность Евдокия Степановна специально осведомилась, пригласив реставратора. И тот заверил, что диван привезен из Прибалтики, сколочен на совесть, но цена ему – три копейки. Обычный диван, в советские годы – роскошь, а сейчас – грош. Порубить на дрова и все дела – гореть хорошо будет. Но Евдокия Степановна реставратору не поверила – не могла Роза Герасимовна так трястись над своим диваном, если бы не видела в нем особую ценность.

– Еврейка, говорю, она была и не стала бы рухлядь хранить! – доказывала Евдокия Степановна реставратору.

Реставратор ушел и, кажется, обиделся. Гонорар за оценку взял, как показалось Евдокии Степановне, брезгливо, и, когда рейсовый автобус, на котором он уехал, уже скрылся из виду, она догадалась: «Тоже еврей! Поэтому правду и не сказал!»

Диван, который громоздился у стены, не давая проходу, больно «стукая», как говорила Евдокия Степановна, то по бедрам, то по коленям, оказался не самым большим разочарованием.

По молчаливому соглашению ей отошла роскошная норковая шуба, которую Роза Герасимовна носила много лет, надевая даже в булочную. Шуба, о которой Евдокия Степановна могла только грезить, исходить завистью и праведным гневом. Шуба, которая за много лет не облезла, не потеряла цвет, не вытерлась даже по бокам под локтями, чего втайне желала ей Евдокия Степановна. И как раз тогда, когда баба Дуся залезла вдруг в шкаф, поддавшись порыву посмотреть на богатство и жалея о том, что сейчас не зима и она не может выйти в шубе в магазин, ее ждал настоящий удар. Вместо меха в руках у нее осталась изъеденная молью вдоль и поперек облезлая шкурка. Относя клочки на помойку, оплакивая мечты и ценную вещь, баба Дуся не винила моль. Она не подумала о том, что надо было положить в шкаф еще и лаванду или хотя бы купить вонючие современные пластины. Нет, она знала – сватья смотрит на нее с небес и ухмыляется.

На следующий день Евдокия Степановна, поддавшись непонятному порыву, вызвала из ближайшей церквушки попа, чтобы освятить дом. Батюшка побрызгал святой водой на диван, на шкаф, кухонный гарнитур и на саму бабу Дусю. После этого ей стало немного легче, но она не знала, как действует православная святая вода и дым из кадила на евреев, а спросить у священника не решилась.

Но испугалась она тогда сильно. Решила, что сватья ее в покое не оставит. И была права. По ночам ей снилась Роза Герасимовна, которая сидела на своем диване и пальцем грозила Евдокии Степановне.

Баба Дуся прекрасно знала, за что сватья ей мстит. За что? Да за все. За то, что все годы жили как кошка с собакой, – внука поделить не могли. За то, что Роза умерла, а она, Дуся, жива и Петечка с ней теперь, безраздельно. Да нет, они, можно сказать, дружили, сватьи же все-таки, но... если бы все вернуть назад. По-другому надо было жить. Не цапаться по пустякам. Не завидовать, не мстить, не обижать. Да, задним умом все знают, как надо.

С Пети все началось. Или раньше? Евдокия Степановна сразу невзлюбила сватью – слишком заносчивая, себе на уме. Нет чтобы по-простому сказать, так слова из нее нормального не вытянешь. Все с намеками всякими да подначками. А когда Петя родился, так бабушки стали характер показывать, как могли. Особенно Евдокия Степановна. Вот не хотела ругаться, хотела мирно жить, а сватью специально доводила. Прямо удовольствие получала.

Придумала, например, Петю покрестить. На самом деле праздника захотела – чтобы красивая рубашечка крестильная, подарки, стол. Как положено. Как у людей делается. Так нет чтобы сказать сватье честно, выложить все как есть. Скрыла. Тайком с батюшкой договорилась, крестик серебряный купила. Нехорошо это. Неправильно. Но в бабу Дусю тогда прямо бес вселился – втемяшила себе в голову, что ради внука старается. Чтобы у мальчика ангел-хранитель был. Конечно, родителей Пети она не собиралась ставить в известность – тем вообще было все равно. Дочка Евдокии Степановны Светочка была крещена в младенчестве, еще своей бабкой, как же иначе. Но вот про зятя Евдокия Степановна не знала, какой он веры. Не спросишь ведь. И Розе Герасимовне тоже говорить о крещении внука не собиралась. Но не было такой вещи в мире, о которой та бы не знала или хотя бы не догадывалась.

В один из вечеров, когда они чинно чаевничали за столом карельской березы, Роза Герасимовна посмотрела на сватью и строго так сказала:

– Даже не думайте Петечку крестить. Достаточно, что вы его в честь своего рязанского деда назвали. Я тогда промолчала, но не думайте, что вам все позволено. Я понимаю, что мальчику с еврейским именем жить будет сложно, я боюсь за него, но если вы посмеете

его крестить, то я сделаю ему обрезание. Так и знайте. И надеюсь, этот разговор останется между нами. Вам понятно?

Роза Герасимовна сидела на своем диване в рубчик, и серьги с изумрудами (как была уверена Евдокия Степановна) колыхались и отливали перезрелой оливкой. Евдокия Степановна тогда не на шутку перепугалась, представив себе единственного внука обрезанным, и отменила крещение. Как отменила? Отложила на время. Но после этого каждый раз, когда ей доставался Петечка «на понянчиться», снимала пеленку и рассматривала пиписку – не обрезан ли, все ли в порядке, как у людей?

– У вас, Евдокия Степановна, нездоровый интерес, – сказала ей однажды Роза Герасимовна, подловив сватью в момент интимного разглядывания, и хмыкнула так, с издевкой.

Евдокия Степановна хотела как лучше, как полагается. Упрямая была, особенно по молодости, лет до шестидесяти. От своего решения не отступалась. И крестила Петечку сама, в ванне, пока никто не видел. Полила на голову водичкой, прочитала молитву, крестик повесила и быстро сняла. И никому ничего не сказала, хотя очень хотела похвастаться, мол, как удачно все придумала. Только одна вещь ее мучила – а вдруг Роза Герасимовна тоже тайно провела обряд? Может, у евреев тоже так можно? Без обрезания, но вроде как иудей. Евдокия Степановна мучилась, изводилась, но спросить у батюшки не решалась. Рассудила, что истинная вера все равно возьмет верх и что она все-таки дала Пете какую-никакую защиту.

Сам Петечка Розу Герасимовну помнил прекрасно, хотя бабуля скончалась давно. Евдокия Степановна радовалась, что она у внука теперь одна-единственная бабушка. Радовалась и сразу же кляла себя за такие мысли, даже не подозревая, что Петя бабу Розу хорошо помнит и она, Евдокия Степановна, этому способствует.

Петя, перетаскивая из кладовки на веранду стулья карельской березы, вспоминал бабу Розу. И садясь на диван в рубчик, тоже думал о Розе Герасимовне. И уже взрослый, скучал по яблокам, запеченным с медом – главному лакомству детства. И по омлету с мацой тоже скучал. И по хлебу – хале с маком, которую баба Роза редко пекла и обычно торжественно выносила, скучал невыносимо. До слюнок. Как представит себе, что слизывает мак с верхней корочки, как жует маковки... Магазиновую булку, обсыпанную щедро, но безвкусно, он тоже начинал есть сверху.

И по лимонному пирогу бабы Розы, который тщетно много лет подряд пыталась повторить баба Дуся, скучал. Роза Герасимовна снилась ему нечасто, обычно перед важными событиями. Как правило, улыбалась, кивала, а в последнее время – грозила пальцем. Петя, конечно, никому о своих снах не рассказывал, как, впрочем, и о бабе Розе. Только баба Дуся его успокоила – призналась однажды, что сватья и к ней в снах приходит. И тоже то улыбается, то смотрит строго так, с укоризной.

* * *

– Ты меня слышишь? – Ксюша легла в кровать, но отодвинулась подальше. Петя пытался поудобнее подпихнуть подушку под голову. Баба Роза считала, что нужно спать на твердом изголовье, а баба Дуся взбивала для Пети пуховую подушку. Петя мог спать или на очень жесткой, или на чересчур мягкой. Ксюшины подушки были ни туда ни сюда.

– Слышу, – ответил Петя и все-таки зацепился рукой за штору. Кровать была придвинута к окну, всегда плотно занавешенному шторами с богатым люрексом, и штора вечно застревала за кроватью, цеплялась – Петя уже пару раз срывал карниз. Он хотел попросить Ксюшу переставить кровать, но не решался. Все-таки не дома. Может, ей так удобнее.

Баба Роза, например, никогда не сидела спиной к двери. Ни за что в жизни не села бы. Даже на крохотной кухоньке в деревне у сватья она пристраивала табуретку так, чтобы оказаться зажатой между холодильником и столом, но обязательно лицом к дверям.

Однажды Петя тихонько подкрался к бабуле со спины и напугал ее: «У-у-у!» И сам не заметил, как отлетел к противоположной стене – баба Роза так махнула рукой, что у Пети в голове зазвенело. Он хотел заплакать – ведь пошутить хотел, – но понял, что к бабе Розе сейчас лучше вообще не приближаться.

Уже позже, когда мальчик лежал в своей кровати и все-таки плакал в подушку, баба Роза подошла к нему, присела на край, но не обняла, не поцеловала.

– Моего отца забрали ночью, ближе к рассвету. Расстреляли в то же утро. Чтобы я не испугалась, мама велела мне стоять спиной и смотреть в окно. Сказала, что если я повернусь, то, как жена Лота, превращусь в соляной столб. Я стояла и смотрела в окно, боясь пошевелиться. Мама не хотела, чтобы я видела отца таким – в подштанниках и очень испуганным. Он чувствовал, что уходит на смерть. И мама это знала. Он много смеялся, а мама его все время одергивала. Мол, много смеешься, скоро плакать будешь. Поэтому и я редко смеюсь. Мама хотела меня уберечь от этого зрелища, но не учла, что в окно я видела, как отца уводили, толкали в спину. Если бы его толкали в грудь, это было бы честнее, не так страшно, что ли. Вот я с тех пор боюсь – сидеть спиной к двери, шорохов за спиной... Понимаешь? Нет, не понимаешь. Ты еще маленький. Вырастешь, я тебе объясню. Лучше я. Не дай бог, чтобы жизнь объяснила.

Петя перестал плакать и серьезно кивнул, как взрослый. Хотя он так и не понял ни про жену Лота, ни про соляной столб.

Баба Дуся могла сидеть, где угодно – этого страха она была лишена. Зато верила в приметы, о которых подробно рассказывала внуку. Вот, например, если в ванной завелся паук, то его ни в коем случае нельзя убивать и уж тем более смывать. Паук – к хорошим вестям, к прибыли. Соль просыпать – точно к скандалу. Но если поплевать через плечо, может, обойдется. Вставать нужно только с правой ноги – день будет хорошим. Сны на пятницу – точно вещи. Не говоря уже про погоду... Баба Дуся лучше всякого Гидрометцентра могла предсказать, какая будет зима, когда выпадет снег и сколь обильными будут осадки. «Апрель с водой – май с травой», «Если роса не ляжет на луга – ожидай дождя», «Голуби воркуют – на хорошую погоду», – приговаривала баба Дуся.

Кстати, и проявления чувств у бабушек тоже были разными – баба Дуся целовала Петю в губы, щеки, куда придется. Баба Роза могла только клюнуть в макушку холодными сухими губами.

– Да дай же я тебя поцелую, сладкого такого. Так бы и съела! – восклицала баба Дуся уже подростку Пете, которому оставалось только уворачиваться от бабушкиных слюнявых лобызаний. Баба Роза целовала его только тогда, когда он болел. Как будто проверяла – горячий лоб или нет. На самом деле – целовала.

– Ты ж мой сыночек-окорочочек. Детка-конфетка, мальчик-калачик! – Баба Дуся сыпала ласковыми словами с гастрономическим уклоном. Баба Роза, слыша это, аж вздрагивала и заметно боролась с приступом негодования.

– Он вам не сыночек, не нужно подменять понятия, – не сдержалась баба Роза однажды.

– Как хочу, так и называю, да, внучек-леденечек? – Баба Дуся сграбастывала Петю в свои жаркие объятия и делала вид, что хочет откусить ему ухо...

* * *

– Ты меня слышишь? – снова спросила Ксюша и пнула его под одеялом. Петя только задремал.

– Что? – недовольно спросил он.

– Я спрашиваю, баба Дуся на свадьбу придет? – возмущенно повторила вопрос Ксюша. – С твоей стороны сколько гостей будет?

– Не знаю. Надо будет поехать в деревню. Опять что-нибудь перетащить. Поехали вместе?

– Ну уж нет! – заявила Ксюша.

Петя в очередной раз неудачно повернулся и таки оборвал занавеску.

«Таки» – так говорили обе бабушки, и неизвестно, кто у кого перенял эту частицу. Только использовали они ее в разных, прямо противоположных смыслах.

– Таки сделал! – радовалась баба Дуся, если Пете удавалось разрубить полено, поменять лампочку или прибить оторвавшийся линолеум.

– Таки сломал, – скорбно кивала баба Роза, когда Петя вырывал розетку вместе со шнуром, разбивал лампу или так дергал дверцу шкафа, что срывал ее с петель.

И вот что удивительно – у бабы Дуси Петя был мастером на все руки. И починит, и наладит, и телевизор удобно подвинет. Баба Роза считала внука безруким. «Только ничего не трогай», – заклинала его Роза Герасимовна. Петя срывал краны, разбивал чашки и тарелки, бил лампочки... Бабуля привычно звонила в ЖЭК, где уже все знали про ее внука и присылали электрика, сантехника или слесаря.

Петя жил как будто в параллельных мирах. У бабы Дуси он считал себя чуть ли не суперменом, которому все по силам. А у бабы Розы, которой он хотел продемонстрировать умения – поменять перегоревшую лампочку, как делал это в деревне, или забить гвоздь – все оборачивалось катастрофой. Вылетали пробки или приходилось ехать к травматологу с разбитым пальцем.

Петя очень скучал по бабушкам. Без бабы Розы баба Дуся не была такой, как раньше. Петя это чувствовал. Сейчас ему нужны были обе. Чтобы одна подталкивала, а другая останавливала. Одна ругала, другая хвалила. И чтобы обе сказали ему, что он все делает правильно, что не совершает ошибки, что Ксюша – именно та, кто ему нужен. Что она его будет любить хотя бы на малую долю той любовью, которую давали ему бабушки.

* * *

– Дорогие друзья! А вы ничего не заметили? Тут мне свидетельница сообщила, что наша прекрасная невеста, уже жена, сидит необутая! Хотя еще не двенадцать часов и наш прекрасный вечер продолжается, и, я надеюсь, ни одна из машин гостей не превратится в тыкву, невеста, как Золушка, осталась в одной туфельке! А где же принц? Он должен найти туфельку и примерить ее на ножку своей избранницы! Где же она ее потеряла? Дорогие гости! Вы должны помочь жениху, нашему прекрасному принцу, найти туфельку! Помните детскую игру в «горячо – холодно»? Так давайте укажем принцу верную дорогу. Можно кричать «теплее, холоднее!» – насколько хватит фантазии. Да, забыл сказать, что у жениха будут завязаны глаза. Итак, начинаем наш конкурс! Активнее помогаем! Ну же! Иначе наша Золушка останется босой. Ура! Молодец жених! Настоящий принц! Молодцы, гости! А теперь – танцевальный перекур! Все некурящие приглашаются на танцпол. И чтобы ни одна гостья не осталась без пары!

Не в микрофон:

– Да, мама невесты, я вас слушаю. Нет, у меня нет аптечки! Я – ведущий, а не врач! Да, давайте вызовем «Скорую», если нужно. Безусловно. Нет, зеленки нет. Что я думаю? Думаю, что сотрясения мозга у него нет. Да, я видел, как он упал. Ничего страшного. Ну, немножко ударился об стул. Нет, об угол стола он не ударялся. Кто так умер? Дедушка невесты? Упал и ударился об угол? Виском? Примите мои соболезнования. Очень сочув-

ствую. Нет, с ним все хорошо – смотрите, танцует. Откуда тогда кровь? Я не знаю. Кто упал? Свидетель? Что он хотел? Туфлю перепрягать? Если он сейчас вышел покурить, то у него точно нет сотрясения мозга. Что, девушка? Вы хотели узнать, кто придумывает такие дурацкие конкурсы? Народ придумывает. Нет, не я лично. Я только ведущий. Да, молодые сценарий видели и со всем согласились. У вас на свадьбе такого не будет? Хорошо, могу вам предложить другой сценарий, в стиле ретро или национальный. Вы какой хотите? Никакой? Жениха сначала надо найти? Да, это правильно. Что, тетя невесты? Какие грецкие орехи? Нет, спасибо, я орехи не ем. Вы мне не предлагаете их есть, а что тогда? Целых не было на рынке, только чищенные? И что? Для конкурса? Какого конкурса? Чтобы женщины садились на стул, на котором лежат орехи и... э... мягким местом определяли количество? Нет, такого конкурса в программе не было. Вычеркнули. Решили, что не всем понравится. Что? Зачем вы тогда весь день по рынкам бегали? Я не знаю. Но согласен – конкурс на другую аудиторию. Иногда сложно найти желающих участвовать. Да, туалет прямо по коридору. Что, девушка? Нет, на поминках я сегодня не работал, с чего вы решили? Костюм черный? И галстук черный? Вам грустно? Опять песня грустная? Нет, я не танцую. Да, я женат. Да, и дети есть. Да, выпить хочу, но не могу – я на работе. Кто тот парень за столом справа? Не знаю. Мне спросить? Вас познакомить? Хорошо, пойдёмте. Что? Что опять? Свидетель – ваш парень? Драку устроить может? Тогда не стоит. Да, я вас понимаю. Очень хорошо понимаю. Что, тетя невесты? Куда девать орехи? Ну выложите на тарелки. Гости съедят. Нет, я не возьму. Спасибо. Что, мама невесты? Нужно уборщицу позвать? Зеленку разлили случайно? Нет, я не знаю, отмывается она или нет. И бокал разбили. Два? Три? Посуду со всего стола? Кто упал? Свидетельница? На счастье! Зачем она на столе танцевала? Не танцевала? Только хотела забраться? Что? Да, туалет по коридору направо. Нет, здесь один туалет. Что? Там очередь? Нет, я ничего не могу сделать. Нет, у меня нет ключей от другого туалета. Кому плохо? Свидетельнице? Невесте? Вам? Давайте я буду продолжать. Мне работать надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.